

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ
ИМ. ЛЬВА ТОЛСТОГО**

Кафедра прикладной и экспериментальной лингвистики

Направление: 45.03.01 – Филология

Профиль: Прикладная филология: Русский язык и литература

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**АНТИУТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКОВ**

Студент 4 курса
группы 10.1-601

«__» _____ 20__ г. _____ А.И.Мухаметшина

Научный руководитель
д. филол. наук, проф.

«__» _____ 20__ г. _____ А.Н.Пашкуров

Заведующий кафедрой
д. филол. наук, проф.

«__» _____ 20__ г. _____ О.О.Несмелова

Казань – 2020

Содержание

Введение.....	3
1. Глава I. Утопия и антиутопия: понятийные границы и типология. Антиутопические тенденции в творчестве М.М. Хераскова	
1.1. Явление утопии и антиутопии: общая характеристика.....	7
1.2. Идеология масонства: общая характеристика и антиутопические тенденции.....	22
1.3. Взгляды М.М. Хераскова.....	28
1.4. Антиутопические мотивы в «восточной повести» «Золотой прут».....	34
2. Глава II. Черты жанра антиутопии в творчестве князя М.М. Щербатова	
2.1. Государственная и просветительная деятельность М.М. Щербатова.....	45
2.2. Взгляды князя на политику Петра I и Екатерины II. «Рефлексивное» творчество.....	52
2.3. «Путешествие в землю Офирскую г-на С...шведского дворянина»: анализ романа через призму антиутопии.....	66
3. Глава III. Явление антиутопии в творчестве В.К. Кюхельбекера	
3.1. Взгляды декабристов и масонов на общественно-культурную ситуацию в России в начале XIX века.....	74
3.2. В.К. Кюхельбекер и понимание антиутопии в романтизме.....	82
3.3. «Земля Безглавцев» как антиутопия.....	87
Заключение.....	94
Список использованных источников и литературы.....	102

Введение

Научная проблема жанра антиутопии проявляется в XX веке. Обоснованием этому являются различного рода исторические события, которые в корне поменяли мироощущение различных социальных групп в обществе, рост социального самосознания, общая культура «протеста».

«Антиутопия» позиционирует себя как самостоятельный жанр и формируется в течение нескольких столетий, переживая разные исторические эпохи. В мировой литературе, как и в отечественной, не сразу признавали новый и до конца не изученный жанр антиутопии как самостоятельный. До прошлого столетия исследователи рассматривали антиутопию в контексте жанра утопии. Так, Г. Морсон считает ее «пародией» на утопию и «антижанром» [Морсон 1991: 106]. Это мнение справедливо, ведь жанр «антиутопия» использует те же принципы и мотивы, что «утопия», только в обратной перспективе.

Общая актуальность нашего исследования обусловлена востребованностью вопросов о месте антиутопии в системе жанров и содержанием антиутопических мотивов в литературной культуре. Антиутопия, в целом, является своеобразным показателем общественного развития и восприятия его литературой.

Все эти факты обуславливают **актуальность** выбранной нами темы.

Переходя к интересующему нас более локальному историко-литературному материалу, заметим: отечественная литература второй половины XVIII – первой трети XIX века претерпевает кардинальные изменения: осваиваются новые жанры, поднимаются новые темы, «заявляет о себе концепция Светлого Земного Будущего как идеала, рая» [Пашкуров, Разживин 2017: 4]. Россия открывает для себя европейские традиции и «восточную диковинку». В первую очередь, это связано со временем великих путешествий и завоеваний, как со стороны нашего государства, так и всего мира в целом.

Значительно повлияла на формирование новых жанров философия эпохи Просвещения, в особенности идеи масонства, которые легли в основу мировоззрения рассматриваемых нами авторов: М.М. Хераскова, М.М. Щербатова, В.К. Кюхельбекера. Именно благодаря учению «вольных каменщиков» и идеологии Просветительства писатели смогли построить утопический мир в рамках своего произведения, поскольку спокойное распространение утопии помогло реализовывать антиутопические тенденции.

Целью нашей работы является изучение процесса зарождения примет жанра антиутопии в русской литературе XVIII – начала XIX веков. Прежде всего, нас интересуют антиутопические черты и мотивы, которые начали активно проявляться в литературе этой эпохи. Материалом анализа стали «восточная» повесть М.М. Хераскова «Золотой прут», роман М.М. Щербатова «Путешествие в Землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» и рассказ В.К. Кюхельбекера «Земля БезГлавцев».

До сих пор данные произведения изучались литературоведами прежде всего сквозь призму жанра утопии и просто в историко-литературном контексте своего времени. Исследователи творчества М. М. Хераскова – Нарышкина Л.Н., Лиманская Ю.С., Западов А.В., Давыдов Г.А., Кукушкина Е.Д., Назаретская К.А. – писали о влиянии масонства на жизнь и литературную деятельность автора, об утопических мотивах в его романах, о его новаторстве как романиста.

Роман М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С...шведского дворянина» также представлялся утопией, в призме которой в исторических и литературных кругах он и рассматривался такими исследователями как Ю.А. Ростовцева, М.В Горемыкина, Т.В. Артемьева, Е.Е. Приказчикова, Д.В. Бугров, А.А. Кизеветтер, Э. Вагеманс, В. И. Сахаров. Ю.А. Ростовцева в исследовательской работе «Образ идеального училища в политической утопии XVIII века» особое внимание уделяла школе утопического государства, методике обучения офирских граждан,

обнаруживая их связь с образовательными реформами самой Екатерины II. М.В. Горемыкина в статье «Русская просветительская утопия» использует сравнительно-сопоставительный метод и обнаруживает типологические сходения между романом М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую...» и «Европейскими письмами» В.К. Кюхельбекера, определяя выраженное утопическое сознание писателей.

Творчество В.К. Кюхельбекера рассматривалось историками и литературоведами В. Брачевым, В.Ю. Троицким, Н.А. Котляревским, Н.В. Королевой через призму декабризма и течения славянофилов. Лишь в 2015 году М.В. Горемыкина ставит вопрос об антиутопической тенденции, наблюдающейся в первой половине XIX века на примере раннего творчества В.К. Кюхельбекера.

Однако как произведения антиутопического жанра рассматриваемые нами произведения прежде не исследовались. В этом заключается **новизна** нашего подхода в изучении данных литературных памятников.

Структура данного исследования определяется основными его **задачами**:

1. Проанализировать основные особенности жанра антиутопии с привлечением классических и новейших литературоведческих разысканий.
2. Выявить причины обращения писателей М.М. Хераскова, М.М. Щербатова, В.К. Кюхельбекера к данному жанровому феномену в контексте как взглядов самих авторов, так и ведущих современных им идеологий литературной культуры – Просветительства и масонства.
3. Рассмотреть конкретные приметы антиутопического жанра в произведениях: «Золотой прут» М.М. Хераскова, «Путешествие в Землю Офирскую...» М.М. Щербатова, «Земля Безглавцев» В.К. Кюхельбекер.

4. Выявить общие и отличительные антиутопические черты у данных писателей в контексте эпохи XVIII – начала XIX веков.

В нашей работе мы использовали следующие **методы** литературоведческого анализа:

1. **Историко-типологический.** Были рассмотрены антиутопические черты через призму жанров «восточной повести», романа и рассказа.
2. **Сравнительно-типологический.** В ходе сравнительного анализа рассмотрены произведения писателей в контексте различных литературных направлений и идеологий
3. **Биографический метод.** Он необходим при системном обзоре биографии и взглядов интересующих нас авторов
4. **Системно-комплексный подход.** В связи с философским контекстом изучаемых нами эпох, произведения писателей носят яркий междисциплинарный характер, взаимодействуют философия, история, культурология и т.д.

Глава I

Утопия и антиутопия: понятийные границы и типология. Антиутопические тенденции в творчестве М.М. Хераскова

В данной главе нашей целью является рассмотрение жанра утопии и антиутопии, обнаружение их связующих черт и отличных характеристик. Мы обнаружим влияние идеологии масонов на русскую литературу XVIII века на примере анализа «восточной повести» М.М. Хераскова «Золотой прут», в которой, по нашему мнению, наблюдаются антиутопические тенденции.

1.1. Явление утопии и антиутопии: общая характеристика

О типологии явлений «утопии» и «антиутопии» ведутся исследования отечественными и зарубежными литературоведами, социологами, философами, так как данные термины употребляются не только для определения жанра, но и для обозначения общественного сознания, образа мышления человека.

Рассмотрев слово "ουτοπία" с точки зрения лексикологии, нам становится ясно, что данное понятие происходит от сочетаний двух составляющих греческого языка: "τόπος", что означает «место», и "ου" - «нет». Из этого следует, что слово обозначает «место, которого нет», «Нигдея», по определению Э.Я. Баталова [Баталов 1989: 10]. Однако вопрос об истинном определении «утопии» остается до конца неизученным. Впервые употребившись в художественном тексте Томаса Мора на латинском языке, «утопия» повлекла за собой проблему передачи греческого слова в латинской транскрипции. В связи с чем начальные буквы могли толковаться по-разному: «у» как «нет» и «ев» как «благо». Тогда истинный смысл «утопии» итальянского писателя оставался неясным: он пишет о «несуществующей стране» или о «благословенной земле». Как отмечает Э.Я.

Баталов, есть и третий вариант, фиксирующий игру слов: «страна прекрасная, но несуществующая». [Баталов 1989: 11]

Если термин «утопия» впервые употребил Томас Мор, то первооткрывателем утопии как жанра является древнегреческий философ Платон. Утопические зачатки обнаруживаются в его трактате «Государство», благодаря которому обнаружился архетип утопии – платоновский город. Повсеместно возникли жанрообразующие черты и типологические принципы литературной утопии:

- незыблемость идеала;
- статичность хронотопа (замещение категории времени категорией пространства);
- типажность образов;
- риторичность изображаемого (форма диалога);
- пограничный характер существования;
- принцип двоемирия;
- близость к романной форме;
- присутствие вымысла.

Полагая, что речь в утопии идет о несуществующем, воображаемом месте, следует взять во внимание, что оставившие след в истории художественной литературы «Государство» Платона, «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» Мора, «Город солнца» Кампанеллы и воплощенные в них идеалы так или иначе получили реализацию на практике. В книге Баталова приведена следующая фраза русского философа Н. Бердяева, анализирующего события XX века: «...Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше». [Баталов 1989: 14]

В итоге утопию можно определить как «сконструированный образ идеального социума», который принимает такие формы, как община, город, страна, и тотально простирается на жизненную среду человека – «от внутреннего его мира до космоса». [Баталов 1989: 14]

Выявлением предпосылок утопии занимался польский социолог Ежи Шацкий, утвердив следующие установки:

1. Человек – доброе существо, но причина его недостатков кроется в неблагоприятных условиях жизнедеятельности.
2. Человек – пластичное и мобильное существо.
3. Человек – разумное существо, потому является возможным установить рациональный порядок в обществе.
4. Отсутствует противоречие между социальным и индивидуальным благом.
5. Следует обеспечивать человеку счастье
6. Человек не может пресытиться счастьем
7. Следует осуществить поиск справедливых правителей
8. Свободе человека ничего не угрожает, так как истинная свобода реализуется в рамках утопии. [Шацкий 1990: 71]

Следовательно, утопия понимается как тип сознания, а ее идеал, находящий реализацию в литературе, определяется исследователями как утопический жанр. Также утопия может пониматься как определенный метод мышления – «метод построения альтернативного будущего», применимый современной наукой. [Шестаков 1995: 14]

Так, утопию справедливо распределить на следующие типы, согласно общей классификации, изложенной в книге Т.В. Артемьевой:

- педагогическая утопия, в которой происходило воспитание «идеальной личности» при помощи определенных методов и специализированных учреждений;
- этическая утопия, где целью являлось личностное совершенствование и избавление от пороков;
- эпистемологическая утопия, ставившая своей задачей поиск «истинного знания» и его нахождения;

– социально-политическая утопия, занимающаяся составлением и реализацией идеальной программы общественного и государственного устройства;

– правовая утопия, осуществляющая разработку совершенного свода законов;

– теологическая (теократическая) утопия, в которой на религиозных основаниях происходит организация государства и социума, а значит они автоматически являются совершенными;

– технико-технологическая утопия, где изменение общественного устройства происходит благодаря научным открытиям.

Из этой классификации следует вывод: главным в утопии является конструирование совершенного социума, разумного законодательства, устойчивой платформой которых является воспитание, в котором индивидам закладываются определенные установки; тем не менее человеческая натура не должна быть затронута, поскольку является «результатом Божественного творения», а значит она совершенна априори. [Артемьева 2005: 10]

В книге «В мире утопии...» Э.Я. Баталов приводит классификацию утопии, ссылаясь на работы зарубежных литературоведов Ф. Полака, Л. Мамфорд Ф. Мануэля, А. Фойгта, и разделяет жанр:

– по принципу подлинности («утопии», «полуутопии», «квазиутопии»);

– по принципу направленности критического действия, воплощенного в утопии («утопии бегства», «утопии реконструкции»);

– по принципу локализации идеала («утопия», «ухрония»);

– по принципу ориентации на тип темперамента («анархические», «архические»). [Баталов 1989: 28]

Важно отметить еще одно разделение утопий на «народные» и «официальные». Первые находят выражение в культуре классовых образований, ибо если есть «низы» и «верхи», то, соответственно, и противоречия между ними. Официальная же утопия противостоит народной

в том, что социально-утопические идеи и программы провозглашаются официальными представителями, такими как государство и партия.

А.Л. Мортон выделяет следующие функции утопии:

- критическую;
- нормативную;
- когнитивную (прогностическую);
- конструктивную;
- компенсаторную. [Мортон 1956: 54]

Анализируя топос жанра утопии, можно также отметить, что в эпоху Возрождения особенно популярным являлось описание государств и городов, находящихся в отдаленной точке земного шара, на «недоступных островах, под землей или в горах». [Шестаков 1995: 16]

Э.Я. Баталов в своей книге приводит убеждение Ф. Полака: «утопия фактически рассматривается как один из самых старых и чистых примеров демифологизации» [Баталов 1989: 74].

Обладая общими чертами, миф перенимает черты утопии, а утопия – мифологизируется:

1. Мифологический архетип в утопии – герой-спаситель, избавляющий людей от господства Зла и внедряющий Гармонию.
2. При помощи утопии миф преобразовывает опыт в будущее через систему архетипов.
3. Идеология является «полем» для насыщения утопических и мифологических компонентов.

Несмотря на это, они обладают существенными отличиями:

1. Утопия является продуктом индивидуального творчества, а миф – коллективного.
2. В утопии, соответственно, проявляется индивидуальное или групповое сознание, в мифе – массовое.
3. Утопия – продукт рациональной деятельности, а миф – иррационален.

Утопическое является предпосылкой исторического, так как соединение утопических конструкций с историческими выводами позволили использовать «исторические примеры как доказательства утопических предположений». [Артемьева 2005: 6] На фоне российской истории утопические сюжеты именуется «славным будущим», к которому страна готовится в прошлом и настоящем.

Т.В. Артемьева считает, что архетипическими установками утопизма служат:

- ненормальное государственное и общественное состояние, требующие улучшения;
- «ненормальность», явившаяся конкретной ошибкой государства;
- устранение ошибки с помощью рациональных мер (например, политические преобразования);
- теоретическая модель идеального общества и очевидные пути его достижения.

Данные установки сложились в эпоху Просвещения, названную «длинным восемнадцатым веком». [Артемьева 2005: 8]. В антологии В.А. Чаликовой приводится переведенный отрывок из книги Мангейма «Идеология и утопия» в которой он резюмирует: утопия занимается одухотворением общества и «под знаком этого...одухотворения...находилась и та эпоха, которая...до и после Французской революции приступила к переделке мира во имя этих идей». [Чаликова 1991: 136] Именно в это время активно воспринимаются ценностные ориентиры западноевропейской культуры. Перенимая эти черты, в период правления Петра I и Екатерины II «создаются условия для формирования национальной утопической традиции, появляются оригинальные сочинения». [Файзрахманова 2011: 7] В это время происходило ослабление церкви, влияние западной философии, формирование культуры «светскости», преобладала эсхатологичность, внедрялись рациональные и иррациональные способы познания. Все это

послужило плодородной почвой для образования новых жанровых форм художественной литературы, в частности, утопии.

Архетипы строятся из идеи «просвещенного монарха», из представлений о софиократии как политической системы, согласно которой властью обладают мудрецы и философы, из духа просвещения, способного изменить нравственное состояние социума, из идеи «естественного» человека, которая кроется в «простом народе».

Анализирую утопию в России, становится ясно, что «золотым веком» для распространения утопических взглядов является XVIII столетие. «Русская народная социальная утопия с ее идеалом Правды» уходила корнями в Древнюю Русь и «оказывала...воздействие на формирование утопического сознания и массовых движений протеста, включая...три русские революции». [Баталов 1989: 85]

С приходом капитализма и сопутствующими ему противоречиями распространяется такая утопия, что развивается в среде руссоистических (романтических) традиций и идеализирует «сельскую» жизнь, обладая «антимашинными» мотивами. Из этого следует, что для романтической утопии характерен союз Человека и Природы.

На основании систематизации исследований Э.Я. Баталова, Б.А. Ланина и В.П. Шестакова, мы можем выделить основные признаки утопии:

1. Обеспечение вечного мира и безопасности человека
2. Отсутствие страха у человека, в том числе и перед смертью, и гарантированная система отношений в обществе с доминирующими в нем моралью и материальной базой
3. Человек есть часть Космоса
4. Освобождение человека от принуждения, противоречащего его природе и проявлению его влечений
5. Отсутствие отверженных обществом людей
6. Равноправие с присутствующими классовыми структурами и имущественными различиями между индивидами

7. Отсутствие свободы как плата за предустановленное счастье
8. Стабильность – все, человек – ничто
9. Гиперболизация духовного начала в доминировании таких сфер как наука, искусство, воспитание, законодательство
10. Иллюстративное пространство, напоминающую книжку-«раскладушку», в которой читатель наблюдает за героем, ступающим по райскому саду и знакомящимся с диковинными видами флоры.

К убеждениям утопистов о свободе применительно мнению М. Ласки, полагающего, что они «редко могли представить...свободного человека», полагая, что «люди и так дьявольски расточительно и безалаберно свободны». [Чаликова 1991: 175]

Если акцентировать внимание на соотношении понятий утопия и миф (народная легенда) и выделяя отличительную черту утопического жанра, выражающуюся в порождении индивидуального сознания, уместным является сравнение утопии и сатиры. Несмотря на то, что утопия включает в себя сатирический элемент, она критикует не определенное общественное явление, а «принцип общественного устройства». [Шестаков 1995: 16]

Нередко утопию сравнивают с футурологическими проектами, но следует помнить, что утопия представляет собой произведение искусства, которое не сводится к «определенному социальному эквиваленту» и выражает симпатии и антипатии автора, его идеалы и вкусы. [Шестаков 1995: 16]

Показательно, что рождение новых утопий связано со свойством человеческой психики, которую наглядно обозначали литературные классики, ибо человеку необходима потребность в формировании новых утопических конструкций.

Позицию Мортон разделяет В.П. Шестаков, утверждая, что утопия делится на позитивную и негативную, где последняя представляется в сатирической утопии и романе-предупреждении в том числе и описывает не идеальное будущее, а «будущее нежелаемое». [Шестаков 1995: 16]

Формулируя диалектический принцип жанров утопии, Морсон в книге «Границы жанра», автор выделяет триаду «утопия – дистопия – антиутопия». Исследователь убежден, что антиутопия – это «карикатура на позитивную утопию», установившая цель «высмеять и опорочить...идею совершенства». [Чаликова 1991: 240] Г. Морсон выделяет антиутопию как антижанр, имеющий специфику пародийного отношения между антижанровыми произведениями и произведениями и традициями высмеиваемого жанра.

Соотношение понятий утопия/антиутопия: Морсон считает, что утопия отрицает собственный вымысел, а антиутопия «подчеркивает опасность смешения вымысла и реальности». [Чаликова 1991: 246] Если утопия утверждает, что мы знаем, то антиутопия, в свою очередь, задается вопросом, почему мы думаем, что знаем.

Соотношение понятий антиутопия/дистопия определяется риторическим вопросом: писателю ненавистен «миф о будущем рае» и сам рай рассматривается «как враждебный личности» (антиутопия) или же ненавистен «сегодняшний ад, который только...усилится в будущем» (дистопия)? [Чаликова 1991: 240].

Соотношения понятий утопия/дистопия: утопия предлагает читателю обратиться к миру, который «станет для них своим», а дистопия побуждает зрителя взглянуть в мир, в котором ему «никогда не будет места». [Чаликова 1991: 251]

Соотношение понятий антиутопия/научная фантастика: антиутопия использует фантастику как прием, но расходится с ней как с жанром, ибо антиутопический мир более предсказуем, а фантастический – пребывает в поиске ирреальности и активно ее моделирует.

Является уместным также соотношение на социально-прогностическом уровне жанров утопия/научная фантастика/антиутопия как предсказание/предвосхищение/предостережение будущего мира и человека

В свою очередь Э.Я. Баталов считает, что антиутопия принципиально отрицает утопию ее же средствами, формируя образы отличного мира,

который предназначен для того, чтобы уничтожить у человека желание изобретать и попытки на это.

Проблема определения жанровых границ и форм обусловлена тем, что утопия представляет собой, по словам Э.Я. Баталова «живое явление сознания и культуры», чьи содержание и форма мобильны, переменчивы «от эпохи к эпохе». [Баталов 1989: 120] Литературовед подчеркивает, что художественное представление об идеальной политической и социальной модели мира меняется в зависимости от изменения культурно-исторической ситуации, складывающейся в определенные исторические периоды.

Антиутопия продолжает традицию утопических произведений в иных общественных и исторических условиях, наследуя совокупность философских, этических, политических проблем утопии и решая их с позиции своего времени, нового.

Если говорить о временных рамках создания термина «антиутопия», он появился гораздо позднее: его впервые употребил британский философ Джон Стюарт Милль в парламентской речи 1868 года, однако в литературе элементы антиутопии проявились значительно раньше. История антиутопии, ещё не выделенной в отдельный жанр, уходит корнями в античность. Некоторые труды Аристотеля и Марка Аврелия имели явные антиутопические черты. Поэтому имеет место быть мнению С. Г. Шишкиной: тип антиутопического мышления зародился еще в Древней Греции с созданием государственности.

Выделяются характерные для антиутопии черты:

1. Происходящее действие наблюдается в государствах, переживших революции или войны.
2. Место действия географически замкнутое и закрытое.
3. Социум не статичен, а постоянно моделируется.
4. Время не исторично, но содержит аллюзии, доступные читателю.
5. Антропocентричность с ее жанровой ориентированностью на личность, ее беды (личность против социальной среды).

6. Герой – одинокий бунтарь, проявляющий негативное отношение к существующему строю и мотивированный любовью или группой единомышленников.

7. Господство животного начала над разумом.

8. Природа – враг человека.

9. Мышление оксюморонами является показательной чертой самосознания героя.

10. Трансгуманизм, ограничивающий индивида в свободе, вытекает в социальный контроль, манипуляцию сознанием, программированием человека (социальная инженерия).

11. Генетическая селекция делит людей на «высших» и «низших».

12. Пространство ограничивается рамками тоталитарного государства.

13. Рамки тоталитарного государства выражаются в ограждении от мира стеной.

14. Абсурд подчеркивается порабощением личности.

15. Прошлое подлежит отвержению, и теряется связь между прошлым – настоящим – будущим.

Нельзя не отметить мотив сна как структурный прием нарратива, использующийся в антиутопии, «внутренняя» цель которого в том, чтобы высвободить сознание от «сна золотого». Конечно, сон не всегда исполняет утопическую и антиутопическую функцию. Данный прием достаточно популярен среди различных литературных жанров и используется писателями разных эпох. Но именно в жанрах утопии и антиутопии сон демонстрирует будущее герою. Антиутопический сон трагически «остраняет» «истину абсолютного отчуждения и подчинения человека тоталитарному строю жизни». [Кизеветтер 1912]

Антиутопия, порожденная критикой утопического моделирования мира, выработала определенные «штампы», ставшие ее характерными

признаками. За основу мы взяли классификацию антиутопических образов и мотивов, представленную Б.А. Ланиным:

1. Псевдокарнавал

Пародируя утопический «карнавал» в его традициях, благоговениях, этикете, формах пиетета, внимании к телесному, чувственному, «низовому», псевдокарнавал разрывает дистанцию между людьми и устанавливает «вольный фамильярный контакт между людьми» [Ланин 1993: 66]. Он выражается в гипертрофии садизма государства и мазохизма человека. Относительно пространства карнавальные элементы проявляются в театрализации действий, а именно в розыгрыше и избрании «шутовского короля»

2. Ритуализация

Ритуал нашел реализацию еще в утопии, ибо для последней хаотичное перемещение субъектов являлось табу. Запрограммированность перестает существовать, когда рождается конфликт антиутопии, где личность отказывается от роли в ритуале, выбирая индивидуальный путь развития

3. «Ожившее творчество»

Данный мотив проявляется в дневниковых записях, олицетворяющих подсознание героя и подсознание окружающего его общества.

4. Квазиноминация

Явления, процессы, люди и предметы именуется иначе, но их семантика остается прежней. Такого рода переименование – проявление власти.

5. Аттракционизм

Эксцентричный антиутопический герой существует по законам аттракциона, сюжетного приема.

6. Чувственность и скарбезность

Если утопия, будучи до развращенности целомудренной, регламентирует человеческую и сексуальную жизнь, антиутопия, будучи до целомудренности развращенной, не повинует государственному разврату и

«приватизирует» интимно-чувственную среду, что изначально была приватной

7. Страх

Этот «всепроникающий эфир» концентрируется только в человеке и его поведении, «выдавливает...производительную активность», проявляющуюся в «творческом зуде», «сексуальной распущенности», агрессии. [Ланин 1993: 170]

На уровне сюжета антиутопический конфликт возникает там, где проявляется личность героя, предпочитающая собственный путь избавлению от ритуализированного образа жизни. Для антиутопии крайне важна динамика, а без конфликта, рожденного в отказе мазохистского наслаждения в личностном унижении перед органами власти, ее не состоится.

Примечательна роль гротеска в антиутопии, о котором О.А. Павлова рассуждает следующим образом: гротеск предлагает рационализированную утопическую модель иррациональной, враждебно настроенной по отношению к человеку, вследствие чего «личность обесценивается...становится марионеточно-маханичной». [Павлова 2006: 20] По этой причине гротеск приближен к трагическому и «ужасному».

По словам Г.Л. Нефагиной: «Власть в антиутопии... всегда стоит на двух китах – обещании счастливого будущего (мифический пряник) и страхе, который поддерживается системой подавления (реальный кнут)». [Нефагина 2003] При этом «Мифический пряник» основан на манипулировании коллективным, мифологическим сознанием людей, ожидающих прекрасного утопического будущего.

Антиутопическое государственное устройство в силу своего влияния обладает принципами:

- коллективизма, что организует жизнь человека так, чтобы совпадали индивидуальные и ценности;
- пропаганды, которая формирует представления о мнимых ценностях;
- регулирования поведения;

- изолирования «лишнего» для государства нового человека;
- стабилизации жизнедеятельности граждан.

Центрами антиутопических сюжетных коллизий являются:

1. Полярность персонажей («сверх-люди как новый утопический идеал будущего человечества», заменяющий «старое» поколение и минус-люди (монстры, маньяки) как воплощение антиутопической критики идеала [Якушева 2001: 17]

2. Террор как последствие новых утопических проектов

3. Прогноз альтернативного развития событий государства сквозь призму антиутопической опасности

Антиутопия – это социальный прогноз, допускающий установку «что, если...». Будучи пародией на утопию, антиутопия разрушает сюжетно-тематическое плато и формируется в самостоятельный жанр, обладающий собственными законами и нормами. Но при этом она является не только контржанром. Утопия останавливается на пограничной точке. Именно здесь начинается литературная антиутопия и развивает свою концепцию в сюжете. Так, справедливо утверждение Л.М. Юрьевой, согласно которому утопия интерпретируется как иллюзия, а антиутопия – «обуздание иллюзий». [Юрьева 2005: 92]

Некоторые исследователи, среди которых Н.Б. Якушева, рассматривают утопию и антиутопию как единый жанр, в котором совместимы противоположные знаки эстетических установок. Здесь же литературоведы выделяют основные признаки:

- общество как модель лучшего (утопия) и худшего (антиутопия) государственного устройства;
- разрыв с настоящим, отказ от привычной среды;
- цель утопии – коллективный характер.

Классификацией различных видов антиутопии занимался Б.Ф. Егоров, выделивший определявшие нижеприведенные основания:

– по воздействию на сферы жизнедеятельности антиутопия разделяется на политическую, экономическую, социальную, духовную;

– по идеологии выделяются коммунистические, либерально-демократические, фашистские антиутопии;

– на социальном уровне антиутопии распадаются на личностные, групповые, общественные, государственные, глобальные;

– по направленности социальных проблем не остаются незамеченными дистопия, какотопия, практопия, экотопия, антиантиутопия, постантиутопия, антиутопия «темного будущего», эсхатологическая антиутопия, бестиарная антиутопия, постапокалиптическая антиутопия, киберпанк. [Егоров 2007: 102]

Н.Б. Якушева сравнивает утопическое и антиутопическое, основывая свое мнение на принципиальной смене взглядов по отношению к определенной культурной модели, которая запечатлена в направлении утопии и антиутопии. При такой смене «социальных отношений и культурных установок в XX веке» утопия переросла в антиутопию. [Якушева 2001: 13]

Наиболее точным, по нашему мнению, является определение С.Г. Шишкиной, в котором она обозначила антиутопию как особого рода литературный жанр, в котором присутствует интертекст, своеобразный хронотоп, отрицание утопического идеала с условием нарушения гармонии «между социумом и его нравственным наполнением», а дискурс интертекста «направлен на выяснение соотношений внутри триады «человек – цивилизация – общество». [Шишкина 2009: 109]

Антиутопия – это обратное отображение утопии. Здесь справедлива мысль Н. Б. Якушевой о том, что антиутопист является разочарованным и тайным утопистом. Писатель-антиутопист разоблачает миф о всеобщем счастье, созданный утопией, показывая, какова расплата за идею «совершенного».

1.2. Идеология масонства: общая характеристика и антиутопические тенденции

Устойчивый принцип утопии заключается в том, чтобы исключить связь с реальностью, перенестись в альтернативное существование, жить по заданным им стандартам. Утопические идеи проникали в программные документы политических организаций благодаря воображению видных государственных, общественных и культурных деятелей, за чем следовало популяризация убеждения совершенствования мира в массовое и теоретическое сознание. Так, эти идеи становились неотъемлемой частью культурно-политической жизни людей.

Мировое масонство стремилось как раз подобным образом структурировать и формировать мировоззренческую систему взглядов, оформляло социальные и философские идеи. Оно придавало видимость разнообразным литературным жанрам, течениям, являясь «способом выражения интеллектуальной жизни дворянства в эпоху Просвещения». [Артемьева 2005: 341] Масоны внесли большой вклад в реализацию неофициальных взглядов в социально-политической сфере, практически решая вопрос о моральном и общественном совершенствовании и изображая в миниатюре «новое общество», нравственно и религиозно перевоспитанное. Благодаря «чистейшей морали» и постоянному личностному совершенствованию общество имело все шансы преобразиться, обрабатывая «дикий камень» человеческой души по образцу, предложенному «великим архитектором» Богом». [Артемьева 2005: 343]

Бог становится центром масонского учения, но он обезличен, ибо «внутренняя церковь» противостояла церкви внешней. Его изображения, как и поклонения им категорически запрещено, но строгая обрядность в масонских кругах реабилитирует это отсутствие. Масонское учение представляло своего рода Микрокосм, который не зависел от государства и довлел над ним ритуальным равенством членов масонской ложи.

Духовные образования в России, такие как масонство, славянофильство, народничество, могут пониматься как утопические, благодаря чему раскрывается определенное значение утопии как феномена духовной сферы.

С самого начала в масонство вошла утопическая идея как мечта об идеальном государстве, представляющем теократический способ правления во главе со «святым царем».

Проникновение масонов на территорию России было связано с организацией духовных потребностей небольшой английской диаспоры. Позже оно «интегрировалось в российскую жизнь, видоизменившись и приспособившись к потребностям российского общества и...менталитета». [Артемьева 2005: 361]

Движущей идеей масонского учения в России в эпоху Просвещения являлось «естественное право». Согласно этой идее, природа подарила естественное равенство между людьми. Затрагивая тему «всеобщего братства», некоторые масоны рассуждают о крепостном праве, которое не может существовать в обществе, которое хотят построить «вольные каменщики». Масонами велись беседы по упразднению этого общественного «недоразумения». Однако дворянское общество не представляло свою жизнедеятельность без крепостных, потому тема освобождения крестьян оставалась на этапе безрезультатных рассуждений.

В 1784 году появляется масонская книга «Новые начертания истинной теологии», в которой излагается следующее:

1. Масонскому обществу не важно, какому Богу будет служить человек, он волен в этом вопросе, но каждый обязан верить божественному писанию.
2. Масонское общество будет состоять из верующих людей.
3. Только Бог, а не правитель будет править масонским обществом.
4. В масонском обществе все верующие будут именоваться братьями.

5. Религия будет находить практическое значение членами масонского общества.

6. Масонское общество будет распространено по всему миру.

В новом общественном переустройстве, провозглашаемом масонами, не будет бедности, рабства, наместничества; верховную власть будет осуществлять «департамент, состоящий из людей наисвятейших и наимудрейших». [Артемьева 2005: 344] Господство таких чиновников будет основано на истинном христианском учении. Лишь такие общественные кадры смогут воспитать совершенных граждан.

Известный исследователь истории масонского учения В.И. Сахаров говорит о «золотом веке Астреи», который будет знаменоваться отсутствием «законов, власти, наций, границ и собственности» и предстанет «социальным раем на земле», ведомым идеей «свободы человеческой воли». [Сахаров 1995: 26]

Эпоха Просвещения распространяла идеи масонов с помощью рационалистической философией, которая являлась теоретической базой учения вольных каменщиков.

Масонские организации появлялись в Англии, начиная с 1717 года и распространялись в Европе и Соединенных Штатах Америки. Следует учитывать, что масонство имело свои умеренные и радикальные течения: английская ложа, тамплиерство, розенкрейство, иллюминатство. В России эти системы преобразовались под влиянием менталитета и общественной необходимости. Так, возникли елагинская система, рейхелевские ложи, московские мартинисты. Собрания масонов были закрытыми, а их деятельность – конспиративна. Заседания проводились на английском, французском, итальянском или немецком языках; на иностранном языке выпускалась и литература.

В XVIII веке влияние Запада на Россию в вопросе распространения философских течений и масонского движения очевидно. Перечислим этапы:

1. Деизм, распространенный в западной культуре, охватил российское пространство. Он провозглашает авторитет разума, отвергая авторитет церкви и проповедуя веротерпимость и свободу личности. Деисты признавали бытие Бога как основателя мира, и выдвигали «естественную религию», способную, по их мнению, заменить христианскую.

2. Основанное на идеях деизма вольтерьянство на Западе с его борьбой против феодально-церковного старого порядка связывалось также с распространением масонства в России.

3. Руссоизм отображался и в русском масонстве, с его переводами текстов Руссо, проповедью об освобождении «чувств», «сердца» от оков «рассудка», с его борьбой с городской цивилизацией в пользу природы, учением о внецерковном воспитании.

4. Мистицизм Сен-Мертена в виде реакции на развивающийся материализм на Западе отобразился и в русской культуре, усиливая христианские начала, мистические настроения, интерес к оккультным наукам. Тяготение к средневековым склонностям.

5. Французская буржуазная революция провоцировала возникновение контрреволюционной литературы как на Западе, так и в России.

Все эти явления безусловно влияли на масонство и отображались в его литературе, но дальше масонской мысли они не продвигались. Потому, например, руссоистское учение о причинах человеческого неравенства, об имущественном различии как следствии монархической и аристократической формы правления, демократизме, - не вписывалось в российскую действительность и не воспринималось масонами.

Широкое распространение масонства было следствием религиозного кризиса российского общества. В эпоху Екатерины Великой и Александра I положение было еще острее. "Вольтерьянство" стало "мнением века". Российские "вольные каменщики" объявили атеизм своим главным врагом. Ратуя за построение "внутренней церкви", они выдвинули тезис о равенстве

всех христианских исповеданий. В стенах масонской ложи православные, католики и протестанты становились "братьями". Однако, будучи государственниками и патриотами, российские масоны отдавали предпочтение национальной "греческой вере". В контексте российской действительности они были не столько "мистическими мечтателями", сколько воинствующими христианами. Как это ни покажется неожиданным, но "новая секта" работала не на разрушение, но, наоборот, на укрепление Церкви.

Российское правительство крайне настораживало масонские организации, которые могли потенциально развивать политические интриги. В 1747 году было произведено расследование по отношению к масонским ложам, в ходе которого «допрошен масон граф Н.Н. Головин, заподозренный в сношениях с прусским королем». [Пиксанов 1947: 56] С этого события, предположительно, начался контроль за деятельностью масонов.

Кризис застал российских масонов в период правления Екатерины II. Открытый и актуальный вопрос крепостного права, бюрократическая деспотия, восстание Емельяна Пугачева – подрывали веру в «светлое будущее».

Ведущим на тот момент масонским течением в России являлся орден розенкрейцев, который осуществлял мистико-моральное просвещение и политически настроенную подпольную деятельность против императрицы с дальнейшим переворотом и ставкой на Павла Петровича, который был привлечен в масонские круги.

Масонское движение уходит «от социальных вопросов и вольномыслия в мистику и в теорию самосовершенствования». [Гуковский 1939: 293] От катастрофы общественного устройства оно занималось поисками истины в собственной душе, пытаясь угнаться за мечтой.

В 1770 году раздираемые противоречиями интеллигенты-дворяне занимаются мистицизмом, которое масонство также предполагало. Это явление оставило след в творчестве многих масонов-литераторов, в

частности Хераскова, чьи художественные произведения обрели специфические мистические тона.

Мистическое обличение утопии сулило прекрасную страну верующих и «счастливых людей, управляемых святыми...только по законам масонской религии», отрицающую бюрократию, полицейскую структуру, чиновничество. [Гуковский 1939: 296] Утопия выступала программой масонов-мистиков, в которой они представляли социальное устройство, где не будет наемного труда, налогов, церкви, законов. Чтобы достичь это, обществу следовало лишь пойти по масонскому пути развития.

Характерными для русского масонства XVIII столетия чертами являлась индивидуально-этическая проблематика, социально оторванная от народных интересов, независимая от этапа развития русской жизни, углубленная в религию и мораль. Однако это не значит, что масоны не замечали социальную обстановку, наоборот – их литература была своеобразной рефлексией на происходящее в России.

Широкое распространение в России масонство получило в 1770 годах, когда число масонов доходило до 2500 членов и около 100 масонских лож. Во главе стоял И.П. Елагин, находившийся под руководством настоятеля масона Рейхеля,

К масонству в России принадлежали деятели разнообразных видов творчества: поэты, романисты, драматурги, публицисты, критики. Достаточно вспомнить имена выдающихся писателей, к числу которых относятся М.М. Херасков, Н.И. Новиков, Н.М. Карамзин, И.П. Елагин, М.М. Щербатов.

Писатели, подобные М.М. Хераскову, испытывали глубокое разочарование в действительности, видя крах своих прежних идеалов и земных идеалов вообще. Херасков в поэме «Пилигримы, или искатели счастья» вопрошает: «Но где же нет мечты? Вся наша жизнь – мечта!». [Гуковский 1939: 292]

1.3. Взгляды М.М. Хераскова

М.М. Херасков в 1770-1780 годах становится ведущей личностью среди масонов. Примечательно, что и еще не будучи масоном, писатель выдвигал в творчестве идеи, родственные масонским убеждениям. В его работах 1750-1760 годов читались элементы просветительской направленности, свободомыслия, либерализма, гуманизма и отстранения от церкви.

Писатель, как и многие его коллеги-масоны, трепетно относился к природе, воспевая ее в своей лирике и интимно воспринимая ее как отображение божественного начала.

Помимо созерцания окружающей среды, Херасков как истинный масон замечал социальные и политические проблемы, которые также нашли отклик в его лирике. Масонов особенно волновало жадное привилегированное вельможество – и, соответственно, проблема падения человеческих нравов и проблема необходимости восстановления нравственности на новых началах. Херасков культивировал жанр «нравоучительной оды», одной из распространенных поэтических жанров среди масонского творчества.

Для произведений Хераскова характерны моральные и религиозно-мистические тенденции. Кроме них с масонством его творчество сближают работы, исполненные аллегорией, иносказанием, символикой, сказочным сюжетом: поэмы «Владимир», «Пилигриммы, или искатели счастья», «Бахариана». Эти произведения изображают душевные странствования и заблуждения, обретение покоя и истины.

Нами прежде упоминалось, что масоны занимались переводческой деятельностью, благодаря чему они были знакомы с просветительскими романами Вольтера, Руссо, Монтескье, Фенелона. Так начался и путь Хераскова как романиста. В русле масонских идей им были написаны романы «Нума Помпилий, или процветающий Рим» (1768), «Кадм и Гармония» (1787), «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794),

демонстрирующие тридцатилетнюю эволюцию автора: «от деизма и либерализма к мистицизму и консерватизму». [Пиксанов 1947: 78] В этих романах затрагивались насущные проблемы российского общества, потому романы считаются политическими, изображающими государственную власть, рабство, восстания народа. Писатель выдвигал проблему «идеального устройства человеческого общества». [Пиксанов 1947: 78]

В романе «Нума Помпилий, или процветающий Рим» Херасков изображал совершенное общество, управляемое рассудительным и добродетельным монархом. Это произведение являлось рефлексией на прогрессивные реформы в первые годы правления Екатерины II. Однако со вступлением в ряды масонов, проанализировав российскую власть и реалии после восстания Пугачева, Херасков ставит целью изобразить во втором романе «Кадм и Гармония» идеального царя-мудреца. После краха движения Новикова, Херасков пишет третий роман «Полидор, сын Кадма и Гармонии», в котором автор устанавливает: «истинное счастье для государства – просвещение и правосудие, «равноправное» и для слабого, и для сильного». [Пиксанов 1947: 80]

М.М. Херасков писал сочинения, проникнутые идеями социального утопизма, а именно «ортодоксальным политико-идеологическим утопизмом, как назвал бы его Дэвид Голдфранк "hard utopias". [Артемьева 2005: 373]

Попав под влияние масонов еще студентом, Херасков занимал ведущие посты в масонских организациях и именно он сплотил большую часть студентов на предмет вступления в масонскую ложу. Так, центром собраний вольных каменщиков стали стены Московского университета.

Безусловно, масонские идеи оказали на творчество писателя большое влияние. В стенах университета он знакомится с будущими поэтами М. Муравьевым, В. Майковым, И. Богдановичем и является их первым читателем и наставником. Вскоре «наставничество» распространяется и на литературную деятельность Михаила Матвеевича «странствующего искателя мудрости». В этом показательном образе писатель выступает в общественно-

литературной деятельности как идеолог литературы, призывая молодых талантливых людей следовать за «чистыми мыслями». Лирический герой его живет с убеждением, что не богатство приносит счастье человечеству, что нужно терпеливо переносить испытания судьбы. В публикациях Херасков и его сторонники идей просвещения размышляют о тленности бытия, о «жестоком роке», о добродетели, которая спасет души. Евангелистская основа масонства сопровождает эти мысли и предназначается не только для светского общества, но и для малокультурного населения. Единомышленники ведут борьбу за «простоту» и «ясность», что непременно является главным идеалом в масонстве. Вступление писателя в масонскую ложу связано с периодом, когда он сближается с Н.И. Новиковым. Более усиливаются его моралистические тенденции.

Новые исторические условия, переоценка эстетических ценностей, кризис системы классицизма — все это способствует укреплению позиций прозы Повести и романы дают масонам больше возможностей для распространения своих идей, поэтому писатели из числа вольных каменщиков сначала переводят, а затем создают оригинальные произведения. Авторы первых романов ставят своей задачей учить и воспитывать, просвещать и перевоспитывать человека и общество, приближать несовершенную реальность жизни русского общества к идеалу. Требуется литература не только для разума, но и для души. Масоны находят такую возможность в жанре романа. Свойственного классицизму конфликта «разума» и «души» в произведениях писателей-масонов нет. Писатели-масоны формируют поэтику раннего русского романа и утверждают авторскую индивидуальность.

Херасков начинает использовать различные жанры повествования, пробует себя в прозе (роман «Нума Помпилий, или Процветающий Рим», 1768 г.; романная диалогия «Кадм и Гармония», 1786 г. и «Полидор, сын Кадма и Гармонии», 1794 г.), поэмах («Плоды наук», 1761 г.), драматургии («слезная драма» «Друг несчастных», 1774 г.). «Под непосредственным

влиянием масонских представлений о необходимости морального самосовершенствования человека. Херасков приближается к важнейшим открытиям сентиментализма». [Пашкуров, Разживин 2017: 192] Сатирической традиции Сумарокова писатель-просветитель противопоставлял новый «моралистический» жанр басен, поднимая в них проблемы ложного величия, гордыни («Сорока в чужих перьях»), гонения на правду («Вдова в суде»), праздности и суеты («Человек и Хомяк»).

М.М. Хераскова впечатляли сказания Древнего Востока «Восточная поэзия проповедует поэт-предромантик, — средоточие гармонии чувства и фантазии в мировом искусстве» [Пашкуров 2017: 203] «Восточная фабула применялась в разных произведениях в соответствии с различными идейно-художественными задачами их авторов. «Золотой прут» Хераскова пропагандирует нравственно-этический идеал просвещенной личности». [Фаэзех 2015: 17].

Нам стоит разобраться, каким образом М. М. Херасков заинтересовался жанром «восточной» повести и почему «Золотой прут», по словам автора, является переводом с арабского языка.

Для начала стоит отметить, что на протяжении полувека (с середины XVIII столетия) в России издавались «восточные» повести, сказки, сборники. Под этим названием существовали как подлинно восточная литература, так и та, что ничего общего с Востоком не имела. Переводные повести были иногда тесно связаны с жизнью того общества, в котором они возникали. В «восточных» одеждах авторы нередко выводили исторических лиц и изображали конкретные события. Для русского читателя эта сторона ускользала, но оставляла ряд общих проблем, которые вызваны сходством общественных условий. Переосмысленные факты применялись к русской жизни, что делало данные повести явлением национальной литературы.

Родиной «восточной» повести считается Франция, поскольку в конце XVII века она начала борьбу с классицистическими канонами. Самой популярной диковинной книгой на прилавке магазинов являлся сборник

сказок «1001 ночи» в переводе аббата Антуана Галлана. Эти сказки запомнились читателю исключительной фантастикой, новыми образами, иными картинами природы, нравов и своеобразной поэзией. Стал появляться спрос на подобную литературу, и появилось большое количество разнообразных подражаний «1001 ночи». «Все эти автор создавал модно развлекательно чтение, для занимательности заимствуя элемент и произведения иного типа: авантюрно-галантного романа, пасторальной литературы, волшебного-рыцарского романа». [Кубачева 1962: 297].

В результате длительного процесса литературной обработки от восточной повести во Франции остались лишь костюмы, имена и заштампованные мотивы. На этом фоне возникло просветительское направление «восточной» повести. «Восточная» просветительская повесть определилась сразу как жанр идеологический, разрешавший наиболее общие и в то же время злободневные философские вопросы, с одной стороны, и как сатирический жанр, с другой. Во-первых, условны восточные одежды были удобны по цензурным соображениям; во-вторых, сам метод изображения западного мира через восприятие наивного восточного жителя был на руку писателю-просветителю. Это был идеальный способ для просветителя анализировать явления жизни с точки зрения разумности и естественности. В-третьих, маскировка под модный жанр облегчал широкую популяризацию философских идей. Если французская «восточная» повесть не выражала единого характера, параллельно обнажая как развлекательный смысл от авантюрно-галантного романа, так и просветительский, то русская «восточная» литература имела более сложную структуру. Вначале «восточную» повесть чаще всего воспринимали у нас как нравственно-философскую притчу, отвлеченную и беспристрастную.

В тексте жанра «восточной повести» утопическая отстраненность сохранялась благодаря восточному колориту.

Развлекательное направление «восточной» повести слабее было представлено в журналах. Это объяснялось, во-первых, тем, что авантюрное

повествование требовало много места, во-вторых, тем, что содержание подобных произведений казалось издателям журналов неприемлемым.

Русская журналистика отрицательно отнеслась к засилью в литературу бессодержательных, развлекательных «восточных» сказок, повестей и историй. Однако главный путь использования «восточной» повести просветителями был иной. Это был вольтеровский путь создания философски-сатирической повести под маской авантюрно-восточного повествования. Иногда писатели, опасаясь, как бы читатель не прошел мимо истинного смысла повести, намекали на него сами. Примером может служить вступление к мнимо волшебной повести «Золотой прут» Херакова, которая якобы «переведена съ Арабскаго языка». [Херасков 1782: 1]

Выработались образы, характерные для подобного рода произведений: «скучающий от веселостей» государь, время от времени изъявляющий желание «знать истину» о положении своего народа; визирь, ненавидимый придворными за свое благородство; и его антипод – корыстный муфтий; а также добродетельный поселянин. Конечно, большое внимание уделялось первому члену общества — государю. Повести, где в центре внимания находилась личность государя, наиболее интересны в идейном отношении. Они входят в круг просветительской литературы, которая пропагандировала идеи просвещенного абсолютизма и наталкивала читателей на критическое сопоставление идеала с реальным современными государями. В это был и прогрессивность, хотя, конечно, они были далеки от мысли об устранении монархической власти. Речь шла лишь о недостатках, несовершенствах государей. Именно отсюда вытекает карикатурный образ государя в повести Херакова «Золотой прут». Данное произведение является оригинальным в своем жанре и стоит особняком среди прочих «восточных» повестей». Автор весьма осторожен, поэтому он указывает во вступлении, что повесть якобы переведена с арабского, «а непосредственно перед самыми смелыми сатирическими картинами придворной жизни находит повод произнести панегирик Екатерине». [Кубачева 1959: 308]

1.4. Антиутопические мотивы в «восточной повести» «Золотой прут»

Упоминания о «золотом пруте» как объекте мы находим в тексте «Кадма и Гармонии», в котором кентавр Хирон вручает Кадму Золотую ветвь, сделанную из оливковой, опущенной в «чистый источник». Так, данная ветвь помогала герою в странствиях, выполняя роль компаса и распознавая скрытые людские пороки. Литературовед Т.Б. Артемьева считает, что именно эта ветвь «привела...к написанию аллегии в жанре «восточной повести» «Золотой прут». [Артемьева 2005: 391]

Сюжет повести выстроен согласно типичной просветительской литературе, где главный герой в поиске истины и смысла жизни проходит череду испытаний на своем пути. Так, в центре повествования «Золотого прута» Албекир, который славился «таланом» плести из прутьев рогожку. За этот талант юноша стал другом шаха, самым важным и почитаемым занятием которого было вырезать деревянные ложки. Но судьба оказалась немилостивой к султану, наслав на него «слезы». Супруга потеряла красоту и от отчаяния умерла. Погибли в разных обстоятельствах все его любимцы: попугай, обезьяна, конь. Придворные-завистники во главе с муфтием сговорились лишить шаха Багема последней его улады – дружбы с визирем Албекиром, который в результате дворцовых козней был изгнан из дворца и отправился в странничество. Бывшему визирю представилось встретиться со старцем-просветителем, который рассказав свою историю своей жизни, «открыл глаза» Албекирию, который раньше был словно «слеп». Все, чего желает юноша – найти самого счастливого человека при помощи золотого прутика, который обладает волшебными свойствами: делать невидимым его обладателя, чтение мыслей окружающих при соприкосновении, открытие любых замков и дверей.

В названии восточной повести также скрыт сакральный смысл масонской символики. У Лиманской есть две версии, доказывающие данное

мнение. «Прут» как символ используется в повести «Голубь с оливковой ветвью в клюве», где «ветвь» обозначает знак Дьякона, - знак «каменщиков». Также используются ветви акации, пальмовые листья украшают одежду масонов, украшающие одежду масонов, и символизируют Солнце, жизненную силу, бессмертие. [Лиманская 2008: 21]

Задача масонов – утверждать добро в борьбе со злом, поэтому возрастает роль антиутопических мотивов, среди которых «мотив абсурда».

Традиционно в восточных повестях главный персонаж – это некий верховный правитель, обозначенный как шах, султан, калиф и др.; интригу «завязывают» представители «дивана»: обычно это благородный визирь и злонравный муфтий. Государь, пресытившись праздной жизнью, отправляется в авантюрное путешествие, дабы узнать правду о своем народе.

Все эти персонажи присутствуют в повести Хераскова. Однако автор отступает от устоявшейся традиции: в путешествие вместо шаха был отправлен визирь, оклеветанный муфтием. Шах Багем крупным планом представлен лишь в начале повести. Портрет выписан в традиционной манере иронического изображения. Знатная особа, потомок в третьем поколении Шехерезады, шах Багем «процветал» в окружении «любящих подданных», «мирных соседей», красавицы-жены. «Имѣль онѣ попугая, съ которымѣ въ праздные часы бесѣдовалъ; имѣль обезьяну, съ которою послѣ утренней своей молитвы забавлялся и прыгалъ Аглинскія контродансы; имѣль любимаго коня, на которомѣ за охотою ѣздиль...имѣль онѣ друга, котораго безъ сумнѣнІя почтилъ достоинствомѣ перваго своего Визиря». [Херасков 1782: 7]. М. М. Херасков пользуется приемами иронии и сатиры в изображении действительности, что нередко переходит в сарказм. Автор смеется над Калифом и его государством, изобличая его пороки. Образ Шаха – собирательный, поскольку олицетворяет деятельность многих государей «просвещенных» монархий. Они заняты всем, кроме фактического правления: заботы о жителях и создания им лучших условий для существования, внешней обороны и военной подготовки мужчин,

качественных «дворцовых» кадров. «Вечный пир» сопровождает правление Шаха, и он не понимает, что окружен предателями и лжецами. Шах, его окружение, жители Калифата, - все они не готовы к суровой обыденности, поэтому каждый «пускает пыль в глаза» ближнему. Все их существование похоже на абсурд и ирреально.

М.М. Херасков помещает героев своей повести в различные конфликтные ситуации, в которых замечаются пороки общества. Благодаря этому мы замечаем, как дворцовые нравы пропитаны лицемерием и унижением человеческого достоинства. Вельможи изображаются в сатирико-бытовых тонах. Образ «смеха» использован в следующем: «Всѣ окружающіе престоль Калифовъ при каждой Султанской улыбкѣ до безмѣрнаго кашля хохотали; Дворъ больше на питейный домъ, нежели на Царскіе чертоги сходень былъ, всѣ радовались чему не знали сами, плескали въ руки, не вслушавшись, что Султанша промолвила, но для того только плескали, что оба шута били передъ Султаншею въ ладоши, и было очень при Дворѣ весело» [Херасков 1782: 215] «Смех», по мнению Лиманской, - основная сфера контрастности и дифференциации на умных людей и глупых. По одной лишь культуре поведения Херасков определяет принадлежность персонажей к одной социальной группе. [Лиманская 2008: 24]

К такому важному чувству как дружба, которое первым делом высоко ценили масоны, жители Калифата относились пренебрежительно. Писателю-масону было важно акцентировать внимание на этом факторе, чтобы показать уровень морально-нравственных представлений общества и его культуры.

Частые сравнения в повести хитрых и глупых придворных с ослами и лисами Херасков использует для саморазоблачения и оценки того или иного героя посредством других персонажей. Данный прием, как и прием речевой характеристики применяют в народной смеховой культуре и в литературных произведениях Нового Времени.

Герой повести Шах-Багем почитается благословенным, хоть единственное его достоинство заключается в том, что он мастер точить деревянные ложки. Его первый визирь Албекир славится тем, что несравненно плетет тонкие рогожки. И эти-то люд правят страной. Следует обратить внимание на то, что образ Шах-Багема связан с повестью «Шах-Багам», напечатанной в 1779 год в «С.-Петербургском вестнике» без подписи и ссылки на перевод. Герой последней повести тоже шах. За всю свою жизнь он получил представление лишь о двух вещах: о разбитой трубе и о пуговицах, которыми играл в детстве.

Неизвестно, имел ли Херасков какое-то отношение к этой повести, но связь между нею и «Золотым прутом» несомненна. Герой повести Хераскова не знает правды о положении народа, но автор иначе по сравнению с традицией объясняет это обстоятельство. Он показывает, что Шах-Багем в силу своей непросвещенности, ограниченности не может уловить связь событий и изменить что-либо. По мысли автора, тирания является результатом невежества.

Масонские идеи в восточной повести М. М. Хераскова «Золотой прут» наблюдаются в переплетении множества мотивов. Наиболее яркими и показательными для нас при исследовании тенденций мифа антиутопии являются мотивы странствия, абсурда, фантазии.

Восточная повесть М. М. Хераскова тесно связана с масонскими идеями, как и жизнь автора. Аллегорически масонов называли «вольными каменщиками». Это объясняется бытовой историей мастеров Европы: «вольными камнями» они именовали мягкие породы - мрамор и известняк, - которые поддаются обработке. В тайном братстве это символизировало душу человека, которой необходимы перемены и развитие добродетели. Херасков обратился к данному символу, сделав его одним из ключевых в повести. Так, Камнем обладал таинственный старец, встретившийся Албекиру. Этот привлекающий внимание юноши предмет имел необъяснимое свойство: светиться и темнеть при определенных обстоятельствах: «представился вь

нѣкоторомъ отдаленіи свѣтъ, происходящей ни отъ свѣчи...но от нѣкакого рода блистательного камня, котораго лучи на пять угловъ разливались» [Херасков 1782: 29]; «ибо онъ вдругъ потемнѣлъ, когда я изъ кармана его вынулъ», [Херасков 1782: 68].

Данные явления можно соотнести с каноническим мифом масонства о соотношении в мироздании начал Света и Тьмы. Мир, согласно мнению братства, состоит из этих двух частей. Первоначально человек и все его окружающее были созданы чистыми и мудрыми. Но человек постепенно утопает в собственных грехах и ошибках, и тьма его поглощает. Для очищения и возвращения к светлым Высшим силам, человеку предстоит нелегкий путь, по прохождении которого он обретет то, что потерял. Херасков осмысленно дал камню свойство темнеть именно при взаимодействии с внешним миром, который жесток, испорчен и опозорен. Светлой душе не выжить в таких условиях, не смыть грязь и с поверхности земли. Без поддержки окружающих одной ей не справиться с факторами действительности. Мир глух, чтобы услышать мольбы Света о помощи, поэтому ему ничего не остается - как светить для себя и освещать дорогу лишь избранным. Это подготавливает антиутопическую поэтику как противоядие.

Еще одним признаком духовного созревания и внутренней гармонии у масонов являлась Природа, воспринимаемая «храмом истины и милосердия». Автор «Восточной повести» акцентирует внимание на том, что духовное перерождение героев происходит именно на открытом пространстве, не ограниченном высокими стенами, тесным жилищем и отсутствием свежего воздуха. Так создается островок идиллической утопии. Юноша Албекир, изгнанный за ворота родного калифата, не потерял себя, а лишь обрел. Символично и место жительства старца-просветителя: «тропинка привела его къ одной каменной пещерѣ, обросшей густымъ терномъ и окруженной журчащимъ источникомъ, изъ камня истекающимъ» [Херасков 1782: 26] Изгнанник был крайне удивлен тому, что пустынный «кромѣ темной пещеры

и дикой козы, ничего не имѣть, почитаетъ себя щастливымъ, и благодарить Бога за пріятную жизнь» [Херасков 1782: 27] Стоит отметить, что Кашемировое Царство (место, откуда прибыл старец) было таким же свободным, как его жители: «не имѣли огромныхъ и великолѣпныхъ зданій... наша добродѣтель и умѣренное богатство оградами нашими были...дружество соединяло насъ, а любовь оживляла» [Херасков 1782: 42], «войны мы ни съ кѣмъ не имѣли, ибо чужаго не желали, а у насъ похитить было нечего». [Херасков 1782: 43]

Одной из знаковых вещей у масонов является «резец», которым непосредственно оттачивает «камень». Данный инструмент является «символом борьбы с внутренним злом в самом человеке» [Пашкуров, Разживин 2017, 2: 180] Человек подобно средневековому мастеру должен «обтесать» себя изнутри, совершенствуя душу. Только так можно освободиться от «оков» зла. Херасков представляет аналог «резца», который является не только инструментом, искореняющим Зло, но и олицетворением Зла. В Главе VI «Свободные науки» рассказывается о процветании Кашемирового государства и о его падении в связи с набегом врагов-соседей. Но почему же варвары разграбили бедных жителей этих земель? По словам старца-просветителя причиной послужила месть жителей Кашемирового государства по отношению к соседям, которые находились на чужой территории, подглядывали за одной из девушек и желали ею обладать. Автор не уточняет читателю, чем именно является орудие мести: «сего было довольно къ возженію их мщенія; выбросились они изъ засады, напали на варваровъ; предводителя и одного изъ охотниковъ на части изрубили» [Херасков 1782: 65]. Автор не описывает мгновенную смерть через безболезненное убийство. Он употребляет глагол «изрубили», что подразумевает длительность и мучительность смерти. Подключение антиутопической призмы рассмотрения дает нам возможность предположить, что перед нами некоторая метафора главного занятия мастеров и «вольных каменщиков» - обработки камня. Убийцы словно

«обтесали» не тела, а души, очищая их от греховности. На одной чаше весов лежит священный ритуал, на другой – факт убийства, одного из самых тяжелых смертных грехов. И здесь мы сталкиваемся с диссонансом в повести и тонкой гранью между темными и светлыми силами. Истина и Тьма, Свет и Смерть перерастают в антиутопические идеалы. Священный, казалось бы, ритуал снимает змеиную шкуру и отдается в руки суровой, но справедливой действительности. Если утопия не видит границ между фантазией и реальностью, то антиутопия стремится их подчеркнуть.

Доминирующим мотивом в повести Хераскова является мотив странствия. Именно благодаря дороге, путешествию Албекир познает окружающий мир и себя; в его голове рушатся старые догматы, открывая новые границы сознания и мироощущения: «Цѣлый день странствовалъ Албекирь отягченный такими отчаянными воображеніями; онъ продолжалъ путь свой прежде по большой Багдадской дорогѣ; но нечувствительно склонился въ лѣсъ, шель онъ самъ не вѣдая куда» [Херасков 1782: 24]. В отсутствии определенных ответов и заключается поиск истины, согласно мнению автора «восточной» повести и сопутствующих идей масонства. В дороге герой встречает старца, который подтолкнул бывшего визиря на обретение нового смысла жизни взамен прошлым ложным развлечениям. В поиске самого счастливого человека Албекир бывает во многих местах и встречает разных и удивительных людей: гуляет на свадьбе у Гульмара и Заары; держит путь в Бассару и знакомится с богатым, но несчастным купцом; даже пересекается с таким же бывшим придворным, как и он сам, Акцеимом. Как ни странно, оба изгнанника находят общий язык, не смотря на прошлые разногласия. Акцеим повествует бывшему визирю о том, как с ним распорядилась судьба. «Трудно будетъ очистить твое сердце отъ закоренѣлыхъ въ немъ пристрастій» [Херасков 1782: 51], но не смотря на слова учителя-просветителя, в конце своего пути Албекир покинул этот мир с чистым сердцем и чистым сознанием. Изгнание, по мнению Хераскова, не есть конец жизни, но начало новой, иной жизни.

Со странствием, однако, связана не только судьба Албекира, но и начало пути самого старца-просветителя Маго-Теософора. После того, как Кашемировое царство было разграблено варварами и Маго-Теософор пал в бою, ему было странное видение, которое гласило: «ободришь, восстань и шествуй» [Херасков 1782: 67]. Беспрекословно, то ли в испуге, то ли в надежде на спасение он пошел вслед за таинственной тенью и голосом в абсолютном неведении: «голосъ повелѣвалъ мнѣ прейти горы, странствовать въ Азїи, склониться въ Африку, достигъ Египта и тамо...сыскать человѣка, которой бы научилъ меня камень...сдѣлать свѣтлымъ» [Херасков 1782: 67-68].

С масонской символикой связаны такие символы, как кольцо, сосуд, луна и звезды. Все это подробно расписывается в путешествии Маго-Теософора. Одно из важных испытаний, посланных девушкой в белом (он же таинственная тень), заключалось в том, чтобы достать со дна сосуда, наполненного водой, кольцо и надеть на палец: «она въ рукахъ держала хрустальный сосудъ, наполненный чистою водою, у котораго на днѣ лежалъ золотой перстень съ краснымъ камнемъ» [Херасков 1782: 69]. Вода в сосуде символизирует бессмертную душу, заключенная в тело (оно же - сосуд). Однако душа героя была недостаточно светлой и недостойной подарка высших сил: «какъ ты осмѣлился сего сосуда коснуться, не будучи очищенъ въ душѣ твоей» [Херасков 1782: 73]. Ради того, чтобы получить желаемое, Маго-Теософору пришлось преодолеть страх, пойти на риск собственной жизнью ради того, чтобы заполучить кольцо: «я рѣшился опуститься въ показанное отверстіе, и доставать перстень; вошелъ я во оное и почувствовалъ ступени; трижды девять таковыхъ переступая, встрѣчаемъ былъ треглавыми змїями, львами и тиграми; принужденъ былъ переходить огненную пещеру, мутную рѣку, каменную гору...наконецъ увидѣлъ небольшую равнину...упалъ и крѣпко заснулъ» [Херасков 1782: 75]. Совершив невозможное, переступив через себя и свои принципы, он обрел все: по пробуждении старец «увидѣлъ себя въ нѣкоей великолѣпной

странѣ...все мнѣ тамо новымъ и стократно лучшимъ казалось» [Херасков 1782: 76]. Солнце казалось герою светлее с одной стороны, с другой же – он наслаждался насыщенной ночью и хрустальной луне», и самое главное – камень, выпавшей из-за пазухи Маго-Теософора, вновь засиял.

«Восточная» повесть М. М. Хераскова представляет собой сложное сочетание философского и сатирического направлений. Как уже указывалось, резко сатирически выражены в ней картины жизни двора; развращенность нравов, шутовские философские споры, а главное – невежество, возведенное в закон, который является коренной причиной всякого зла.

Композиция повести очень логична и стройна, она насквозь рационалистична. В образе Албекира показан процесс превращения невежественного ума в философский.

«Золотой прут» - в политическом отношении умеренное произведение. Автор делает вывод о вечности зла, но единственный путь, который он предлагает, - путь самопознания.

В «восточной» повести М. М. Хераскова «Золотой прут» проявляются черты антиутопии. Во-первых, важное место занимает антропоцентричность (конфликт главного героя с социальной средой); во-вторых, пространство ограничивается городом/государством и забаррикадировано от «чужих глаз» высокими стенами/оградой; в-третьих, как правило, все персонажи (за исключением главного героя) избегают истины и не хотят «пролить воду» на правду реальности; в-четвертых, герои не руководствуются здравым рассудком и нравственностью, а подчиняются воле одного идеолога/правителя подобно «стаду»; в-пятых, конец у антиутопических произведений всегда один и неудовлетворительный, поскольку один герой или несколько не в силах предотвратить общественные догматы и изменить устоявшееся «неправильное» мировоззрение масс.

Антиутопические черты в данном произведении находятся в тесной взаимосвязи с принципами написания «восточной» повести с характерными для последней костюмированностью и сатиричностью. Это была подходящая

«обложка» для компрометирующих фактов политического и общественного состояния исторической эпохи, а также для маскировки философских идей самого автора.

В целом, можно выделить следующие ведущие мотивы в повести «Золотой прут» М.М. Хераскова: мотив абсурда, мотив странствия и мотив фантазии.

1. Мотив абсурда выражается:

1.1 описанием жизни в Калифате

1.2 образом Шаха Багема

1.3 аллегорическое сравнение человека с животным

Здесь автор обличает действительность с помощью приемов иронии и сатиры, которые переходят в сарказм. Это проявляется, в первую очередь, в описании жизнедеятельности жителей калифата, где правит не «просвещенный» монарх, а лишь его подобие в лице Шаха Багема. Автор подчеркивает с первых строк повествования: государь, умеющий только стучать деревянными ложками, не в состоянии управлять не только своим реквизитом, но и верноподданными. Не заботясь о внутреннем порядке государства, Калиф забывает и о внешней обороне: не знает, как вести войну с врагами, чем, несомненно, последние, и пользуются.

Но ничего не может нарушить внутреннюю веселость правителя, - ни смерть, ни горе, - до последнего он будет развлекаться с «султаншей», смеясь над очередным выступлением шутов и громко хлопая в ладоши от радости. Таких людей уже ничего не сможет спасти, по мнению Хераскова: они живут смехом и умрут, смеясь, даже не заметив «старуху с косой».

Автор намекает на несостоятельность подчиненных Шаху людей в отсутствии в них человеческих черт. Они уподобляются животным (осел, лиса) в совершаемых ими действиях.

2. Мотив фантазии выделяется через призму масонских легенд:

2.1 легенда о Храме

2.2 легенда о Камне

Мотив фантазии в данной повести неразрывно связан с утопическими представлениями масонов на мироздание и должное устройство человеческого общества, где господствуют равенство, справедливость, гармония. Герой повести Хераскова Маго-Теософор ищет способ, как вернуть Камню его чудесное свойство светиться (ведь только освещая все вокруг, камень может принести вечное счастье человечеству). Лишь в самый знаковый момент его жизни на поле битвы, когда герой находится в предсмертном состоянии, он слышит голос, которому беспрекословно подчинился.

Именно нечто ирреальное и невесомое привело Маго-Теософора к обители истины, где он не только вернул камню его чудесное свойство. Герой прошел и огонь, и воду (в буквальном смысле), видел хищников, которых не встречал прежде, переборол свой страх. Главное, что должен был исполнить Маго-Теософор в обмен на исполнение желания - достать перстень из сосуда с водой, обжигающей руки, и надеть на палец.

«Храм» в данной повести располагается в пирамиде, имеющей бесчисленное количество ходов, ведущих в «новый мир». Здесь, в этом мире, одновременно можно наблюдать солнечное сияние и прелесть лунной ночи; звезды сияют ярче в разы.

3. Мотив странствия рассматривается в аспекте:

3.1 мифа о Природе

3.2 символа дороги

Согласно масонским представлениям, природа у представителей данного «братства» является олицетворением всемирного спокойствия и гармонии. Так, например, жители Кашемирового государства жили на открытой местности, не боясь дикой природы и предполагаемых врагов. Они не забирали от Природы, а жили в единстве с ней. Это прямо противопоставлено барикадному типу строения калифата Шаха Багема, где государство словно обороняется стенами от окружающей среды, воспринимаемой ими только вражеской и не иначе.

Дорога же рассматривается Херасковым как путь, который должен пройти человек с целью обретения смысла своего существования. Поиском истинного счастья занимается центральный персонаж «восточной» повести Албекир, который был изгнан из своей родины Калифом. Если бы не изгнанничество, герой не обрел бы бесценных знаний и опыта от своего наставника Маго-Теософора. Дорога, а вернее маленькая тропинка привела Албекира к просветителю. За некоторое время, проведенное со старцем, юноша кардинально переосмыслил свою жизненную позицию.

Глава II

Черты жанра антиутопии в творчестве князя М.М. Щербатова

Другую яркую вариацию понимания антиутопического начала представляет нам философско-публицистическое творчество М.М. Щербатова (1733-1790).

В данной главе мы исследуем феномен антиутопии на примере политического романа М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина». В свете политических взглядов автора-просветителя, мы можем сделать вывод, что теоретическая основа государственного устройства Офира вовсе не фантастична. Именно в статьях и памфлетах, при жизни князя не опубликованных, находит отражение видение «совершенной» страны.

2.1. Государственная и просветительская деятельность М.М. Щербатова

Личность М.М. Щербатова в России XVIII столетия далеко не последняя. Он историк, государственный деятель и публицист. Происходил писатель и политик из древнего знатного рода, который корнями уходил к Рюрику. Человек разносторонний и ведущий во многих науках он настаивал

на выведении образования для всего населения. В этом отношении он следовал духу рационализма и вольтерьянства, желал воссоздать из западного просвещения национальное просветительство. Щербатов понимал ценность образования, занимаясь саморазвитием и восполняя чтение книг после выхода в отставку, право на который давал «Манифест о вольности дворянства» (1762)

В домашней библиотеке князя насчитывалось 15 тысяч томов различной тематики: по философии, истории, филологии, географии, математике, сельскому хозяйству. Еще в юности его внимание привлекала литература эпохи Просвещения с ее гуманистической философией и свободомыслием, что оказало значительное влияние на мировоззрение Щербатова. Молодой князь увлекался и переводами, которые производил собственноручно.

Щербатов активно занимается гражданской службой, отстаивая интересы дворян, и уже в должности герольдмейстера осуществлял меры по закреплению юридического статуса дворянского сословия и составлению дипломов дворян. Он определяет себя как историк и начинает работу над «Историей Российской» после того, как получил от императрицы доступ к библиотечным архивам.

Задачей историка Щербатов считал обнаружение причинно-следственных связей, влияющих на государственное и общественное развитие. История, по мнению Щербатова, должна оберегать потомков от ошибок предков, предостерегать будущее прошлым. В жизни Щербатова наступает период, когда он углубляется в скептицизм Р. Декарта, и это отражается на его исторической деятельности: он не признает летопись достоверным источником.

Весьма прагматично князь связывает материал доступных ему летописей и актов, прежде не использовавшихся при историческом анализе. Прагматизм Щербатова индивидуально рационалистичен, полагающий, что личность творит историю, исходя из корыстных побуждений по отношению

к воле индивида или группы индивидов. В силу своего рационализма Щербатов индифферентен к религии и не признает за ней «чудесного» начала. Для него история является тоннелем, который ведет к познанию сути вещей современной России.

Книга Ш. Монтескье «О духе законов» оказала немаловажное влияние на политические представления Щербатова; в этом труде французский философ излагал три типа правления: республику, монархию и деспотию. Так, Щербатов определил для России монархию, опирающуюся на иной законодательный орган. Чтение трудов философов-просветителей формировало у князя представление о просвещенном монархе и грамотном правлении государством.

Будучи автором «Истории Российской от древнейших времен» (1770-1791), Щербатов выдвигает субъективное мнение относительно республиканского строя Новгорода, указывая на зарождение анархизма. Читавший порядок князь вовсе не является приверженцем консервативной монархии, а наоборот осуждает деспотизм власти, и в силу своего государственного положения утверждает законы, ограничивающие власть монарха. Относительно политических убеждений князь является приверженцем английского конституционализма, согласно которому власть государя подчиняется высшей власти – закону. Щербатов считает, что деспотическому монархическому правлению приходит конец и долг гражданина в том, чтобы устранить его власть. Поэтому было важно утверждение парламента, состоящего из образованных и подкрепленным отечественным и зарубежным правом людей, которые могли вести дискуссии с государем на предмет устранения актуальных проблем и не опасаться наказаний за свое мнение.

Принцип конституционной монархии нашел свое отражение и в романе Щербатова «Путешествие...», где выше всех стоял закон, и ему подчинялся как царь, так и рядовой гражданин.

В 1766 году после выхода «Манифеста о созыве Уложенной Комиссии», утвержденного Екатериной II, Щербатов пользуется возможностью написания законов, регулирующих все сферы жизни государства, и становится депутатом от ярославского дворянства. Задачей Уложенной Комиссии являлось создание законодательных проектов, близких к европейскому типу. Щербатов заинтересован формированием полноценных сословий в российском обществе, где следует четкое разделение по классам, каждый из которых мог приносить максимальную пользу государству. Для этого он расписывал права и обязанности для определенной группы населения в своих «записках».

Так, его деятельность стала приоритетной для общей политики Екатерины II, особенно в отношении дворянского сословия. Особую значимость приобретала работа Щербатова в Частной комиссии, занимавшейся делами «среднего рода людей», где он подготавливал Проект прав среднего сословия, оформляющий его в единое городское сословие и объявляющее мещан свободными людьми. Это было важным этапом для зарождения гражданского права в России, согласно которому права – защита в суде, свободное перемещение, - предоставлялись даже не привилегированному населению. Четкое разделение сословий с их регламентированными правами и обязанностями мог ограничить притязания одного класса на права и привилегии другого, особенно на публичных политических выступлениях.

Следует отметить, что в сословном вопросе взгляды Щербатова и Екатерины II совпадали. Оба политических деятеля стремились к структурированию трех сословий, состоящих из дворянства, «среднего рода людей» (духовенство, купцы, мещане), крестьяне. Однако мнение Щербатова разнилось с мнением императрицы в утверждении и четвертого сословия – военных поселенцев, которые набираются в солдаты из крестьян, в мирное время занимающихся хозяйством, а в войну – охраной приграничных территорий России.

Впервые на публичных выступлениях депутатами поднимался вопрос о крепостничестве, против которого выступали немногие. Рабовладение противоречило идее философии эпохи Просвещения, для которой уважение к личности человека и его «естественное» право на свободу являлись основополагающими принципами.

Мнение князя Щербатова в отношении крестьянского вопроса было категоричным: он возражал против освобождения крепостных, считая, что это принесет непоправимый вред общественному устройству. В защиту своих убеждений он выдвинул аргументы, которые были распространены также среди дворян XVIII века в России и в Европе, а именно:

1. Крестьяне – непросвещенный народ, не знающий прогрессивных мер ведения сельского хозяйства.
2. Без контроля помещиков крестьяне обречены на гибель.
3. В отсутствии крестьян земледелие придет в упадок, что скажется на экономике страны.
4. Освобождение крестьян вызовет отток населения из деревень, нехватку рабочих рук для сбора урожая, рост цен на хлеб.
5. Свободные крестьяне составят конкуренцию ремесленничеству, что поспособствует кризису мелкого производства у последних.
6. На данном этапе общественного развития крестьяне не могут быть независимым сословием, но со временем, обучаясь у приходских священников азам просвещения, они могли стать образованными.

Вместе с тем, Щербатов не отрицает бедственного положения крепостных в связи с отсутствием гуманности их хозяев. Князь предлагает регулировать их отношения на законодательном уровне и наблюдать за исполнением должных требований, поскольку первая обязанность рабовладельца перед рабом – это защита последнего, взамен на которую крестьянин будет верно служить господину. В этом вопросе не политика, а нормы морали могли урегулировать взаимодействие обоих, которое должно строиться на взаимовыгодных условиях: крестьянин полезен себе и хозяину,

а последний, в свою очередь, облагораживает быт и сознание раба. Благодаря уравниванию обязанностей двух сторон, Щербатов находил практическое применение «естественному» праву – «природному» равенству людей. По мнению князя, каждый человек, начиная с государя и заканчивая крепостным, имеет свои права и обязанности перед обществом. В доказательство применимости своих рассуждений Щербатов занимается контролем крестьянского положения в ярославских вотчинах, который зафиксировался в хозяйственных документах.

Относительно образовательной сферы Щербатов рассуждал также в русле эпохи Просвещения. На Комиссии по народному образованию были разработаны Генеральные планы, согласно которым образование могли получать молодые люди, независимо от гендерной принадлежности. Образование могло предоставляться каждому сословию, но качество образования существенно разнилось по иерархии социального статуса:

1. Крестьяне как низшее сословие обучались основам вероучения христианства.
2. «Среднего рода люди» обучались купеческому и ремесленному мастерству, художественным дисциплинам и аптекарскому делу.
3. Высшее сословие имело возможность знакомства с последними научными достижениями и философскими идеологиями.

В отношении уголовного процесса Щербатов выступал за соразмерность наказания преступлению с применением гуманных средств к преступнику и предоставлением последнему права защиты на суде. Князь считал, что в просвещенном государстве не должно быть жестокости мер казни, а лишь воспитательные методы борьбы с преступностью. В противном случае, последуют негативные последствия огрубления нравов социума.

Князь Щербатов – безусловный патриот отечества, желающий ей процветания. Государству должно отстаивать «естественные» права своего гражданина, помогать осуществлять благо, потому социуму необходимо ограничить свои свободы в угоду общему порядку, который приведет к

государственной и общественной гармонии. Именно этот тезис является лейтмотивом в деятельности Щербатова как политика и писателя.

О современности Щербатов рассуждал в книге «О повреждении нравов в России» (1786-1789), изданной лишь в следующем столетии за рубежом А.И. Герценом. Трактаты этого сочинения отражают правление того или иного российского правителя, особенно Екатерины II, чью политику князь наблюдал воочию. О современном обществе Щербатов скорее негативного мнения: продажные судьи, не уважающие родителей дети, не любящие детей родители, неполноценное воспитание, нелюбовь между супругами, отсутствие дружбы и неуважение родственных уз, отсутствие патриотического сознания. В этой книге каждая глава посвящена определенному отечественному монарху. В самом начале своего трактата М.М. Щербатов изображает, по словам Афанасьева «всеобщее моральное разложение». [Афанасьев 1982: 288], своего рода современную по тем временам картину нравов. Князь Щербатов говорит о том, что люди позабыли веру и стали презирать «тайны божественные». [Щербатов 1986: 210]. Судьи в таком обществе являются продажными; дети забывают о дани уважения родителям, считая их взгляды пережитком прошлого, насмехаясь над ними, что же касается родителей – они перестают испытывать любовь к своим детям и «отдают их на воспитание посторонним людям». [Горемыкина 2014: 140].

Причиной этим недугам является не регламентирующий все стороны жизни граждан закон. Будучи свидетелем политических интриг при дворе Екатерины II, Щербатов был свидетелем интриг, учиненных фаворитами императрицы. В памфлете князь призывал не столько к возрождению допетровской Руси, сколько к возрождению нравственности, потерянной в империи. [Щербатов 1986: 510]

2.2. Взгляды князя на политику Петра I и Екатерины II.

«Рефлексивное» творчество

В 1784 году М.М. Щербатов пишет роман «Путешествие в землю Офирскую г-на С...шведского дворянина». Книга не была издана при жизни автора, однако быстро распространялась среди современников вышеупомянутого князя. В.Ф. Иванов говорит о том, что император Павел I присылал письма своему воспитателю Н.И. Панину с упоминанием произведения Щербатова. [Иванов 2008: 365]. Также историк литературы утверждает, что и Александру I довелось ознакомиться с «Путешествием в землю Офирскую...», и есть предположение, что идею военных поселений император заимствовал именно с романа. По мнению же В.И. Семеновского, которого представляет в своей работе М.В. Горемыкина, «сочинение Щербатова было известно в декабристском кругу». [Горемыкина 2014: 141].

Автобиографическая основа политической деятельности Щербатова отразилась в «Путешествии...». Идея государственного устройства Офира долго вынашивалось автором и отражалось прежде написания романа в статьях и оглашалось на заседаниях комиссий. Элементом, прежде не задействованным в деятельности Щербатова как активиста-просветителя, был религиозный уклад Офирского царства, который действовал в соответствии в «естественной» религией, строй которой контролировался полицией. Данный феномен свидетельствует о параллели священно-политического устройства Офирского государства с российскими законопроектами XVIII века в отношении политики государства и церкви, светскости и духовности, где императорская власть контролировала религиозную жизнь.

Депутат уложенной комиссии от ярославского дворянства, князь Щербатов был критически настроен по отношению к екатерининскому «Наказу». Так, в офирском законодательстве проявляются соответствующие

духу правления Екатерины II программные замечания в виде «Катехизма нравственной офирской империи».

Щербатов внимательно наблюдал за законами императрицы и излагал свою критику в статьях, которые могли бы усовершенствовать государственные акты. Князь-просветитель писал статьи, являвшиеся «спекулятивной «тенью» ... «зазеркальем» ее внешней и внутренней политики», поэтому они не были предназначены для публикации, и опубликованы лишь в XX веке. [Артемьева 2005: 138] Он понимал, что его проекты не могут быть реализованы сейчас, и намеренно пишет «в стол», откровенно излагая свой взгляд на российскую политику и выдвигая идеи по ее идеальному устройству. Потому, вдохновленный своей инициативой, но не способный к ее практической реализации, Щербатов создает собственное государство с четко прописанным законодательством. Литературоведы справедливо называют «Путешествие...» политическим романом, в котором утопия обрела место.

Эволюция взглядов Щербатова, становившихся более критичными по отношению к правительству, наблюдалась в его работах: от «Истории Российской...» до «Повреждения нравов в России».

Теорию «естественного права», в которой между государем и подданными устанавливалась модель отношений «отец-сын», Щербатов дополнил дворянством (аристократией), являющимся в указанной модели «старшим братом», «могущим создать механизм, способный предотвратить сползание монархии в самовластие». [Артемьева 2005: 259]. Так, данная концепция определяла социологию эпохи XVIII века в России.

В щербатовском «Путешествии...» повсеместно сочетаются фантастические элементы с деловым реформизмом. Роман представляет не столько художественное произведение, сколько проект, намеченный государственным деятелем еще при службе отечеству во времена Екатерины II и начале царствования Александра I.

Эпоха Просвещения закрепила социальный тип дворянина-философа, «философа на троне», по словам Артемьевой, полагая, что именно такой мудрец может придумать законы и грамотно управлять в соответствии с этими законами. [Артемьева 2005: 131]. Потому в России второй половины XVIII века, которая приходится на правление Екатерины II провозглашен режим «просвещенной монархии», а сама императрица действовала согласно триаде: Сила, Разум, Чувства.

Так, доминирующим мифологизмом «золотого века», века «философского» становится греческая богиня справедливости Астрея, а власть Екатерины Великой – мифологемой того времени. Императрица делала шаги «в сторону царства Астреи», полагая, что обладает правом «принимать желаемое за действительное». [Артемьева 2005: 135]

Щербатов не мог примириться с «малой просвещенностью» нынешнего государственного аппарата, так как, по мнению князя, император-реформатор опирался на субъективность при принятии государственных решений, а данная односторонность не могла учесть всех деталей общественного развития. Политическую погрешность «самовластия», в следствие «самодурства», мог предотвратить утвержденный государственный аппарат, «комиссию», состоящую из четырех независимых подразделений, где:

- первое – изучало «древние» законодательства, извлекая «экстракт» для решения различных ведомств [Артемьева 2005: 275];

- второе – систематизировало решения первого подразделения и составляло проекты, аргументируя рентабельность их введения;

- третье – занималось сбором мнения населения;

- четвертое – обсуждало насущные проблемы и принимала законы, в дальнейшем поступающие государю.

Благодаря этому законодательному органу Россия, по мнению Щербатова, могла избавиться от «повреждения нравов». Именно

государственная упорядоченность поспособствует общественному упорядочиванию.

Анализируя политику Петра I, Щербатов говорил о недопустимости самовластия и деспотизма, которые отразились на насильственном навязывании европейского стандарта русскому обществу. Уход от традиции, «старинны», которую князь считал «совершенным» временем, был неверен. Он считал, что Петр I избрал ошибочную политику и категорическими реформами «нанес зло» стране, а вернуть Россию в привычную ей сферу обитания должен был истинный правитель, способный возвращению традиционного уклада жизни. Под «совершенным» Щербатов понимал социальное устройство, не связанное со временем, но зависимое от понимания обществом «объективных законов... бытия и использования их» [Артемьева 2005: 279]

Князь полагал, что Россия могла самостоятельно прийти до состояния, в котором находилась в XVIII веке, постепенно и без воздействия Петра Великого, пусть это приходилось бы на 1892 год. Реформы первого императора характеризуются Щербатовым необходимой, но «излишней переменной», так как нельзя «безнаказанно вмешиваться в исторический процесс», насильственное ускорение которого «может обернуться «повреждением нравов» [Щербатов 1896: 355] Россия стремилась к роскоши во всех сферах жизнедеятельности: от одежды до архитектуры. Это явилось началом нравственного невежества, бесстыдству и раболепству придворных.

Тем не менее, Щербатов оправдывал петровские реформы, полагая, что император действовал не из собственного тщеславия, а во благо отечеству. Благодаря Петру I были предприняты экономические реформы; развивались армия и флот; «просвещение, науки и искусства» стали распространяться по России, что было особенно важно для князя, который считал нужным приобщение отечественной научной культуры к европейской.

В российском просвещенном обществе XVIII века проще было вычислить имена людей, не придерживающихся идеологии вольных

каменщиков, чем назвать число всех ее приверженцев. Масонская карьера князя Михаила Михайловича Щербатова началась с ранней молодости. Уже в 1756 году его имя называется в числе Великих мастеров, а ему было тогда лишь 23 года. В 1768 году он входил в число руководителей системы «Строгого наблюдения» — в капитул Феникса в Петербурге. В 1770-х годах он посещает ложу «Урания», в числе членов которой были многие видные деятели литературы и театра. Эту ложу посещал и Радищев. В 1775 году он живет в Москве, пишет свою «Российскую историю» и посещает ложу «Равенства». В конце 70-х князь участвует в работах ложи «Озириса» и «Латоны» в Москве, где, видимо, встречается и с Н. И. Новиковым.

Как и многие масоны, Щербатов в своем произведении не признает господство церкви и представляет религиозной строй иначе. Здесь особо заметно влияние свободомыслия, деизма и рационализма, являющихся основной теоретической базы учения вольных каменщиков. В религиозном устройстве они обходятся без жертвоприношений, жречества, а обязанности священника исполняют сами граждане Офира, избираемые народом, при этом доходов от храма священнослужители не получают. В чтении молитв офириями также выделяются черты масонских ритуалов и обрядов.

Воззрения масонов относительно распущенности людей и обладания последний роскошью, мечта о моральном перевоспитании находят отражение в описании особой государственной структуры Офира, которая унимает «благочинных». Праведный царь, о котором Щербатов говорит еще в «Нуме», для автора тот, кто прежде сам исполняет законы страны, подавая пример гражданам. Так, надпись во дворце Офира гласит: «Не народ для царей, но цари для народа» [Щербатов 1896: 405]. Законодательным органом являются свободные общественные классы: от высшего к низшему, - так как именно они, а не царь, ощущают нужды социума Офира.

Однако стоит заметить, что Щербатов уклоняется от масонского гуманизма в поддержку крепостничества. В Офирском государстве сохраняются сословное деление с подчеркнутым неравенством между его

представителями. Регламентированы правила о жизнедеятельности граждан, а именно: какую носить одежду, какого размера должно быть жилое помещение, сколько блюд следует иметь за обеденным столом, из какого материала положено иметь посуду (жестяную, глиняную или серебряную – слева направо от низшего к высшему классу). Строго прописано количество средств из государственного бюджета на поправку гражданина в случае его болезни. Такие черты государства Щербатова ставят его слова о том, что в Офире нет ни богатых, ни бедных, под сомнение.

В щербатовском идеальном государстве, в отличие от пасторальных утопий, разработана система репрессий, согласно которой применяются жестокие меры наказаний за ослушание и правонарушение. В офирских тюрьмах действует смертная казнь именно за политические преступления. Вопреки идиллии масонов, действует цензура печати и существует бюрократия.

Относительно сословного деления регламентирована следующая иерархия:

1. Высшая ниша состоит из «благородных» людей. Именно они могут владеть имениями и нести государственную службу.

2. Чуть ниже стоит «вельможная знать», которая выделяется из «благородных». Это сословие делит с государем верховную власть, заседаая в парламенте

3. Низшее сословие составляет основную часть населения и именуется рабами.

Если отношения первых двух категорий граждан условно контролируются, их позиция четко определена, социальный статус позволяет им быть неприкосновенными, и закон их защищает, то отношения раба и владельца Щербатовым не уточняются. Это значит, что хозяин может обращаться с крепостным, как пожелает. Собственно, как и было во все времена в императорской России, и это обстоятельство устраивало писателя, или он просто закрывал на это глаза, не находя альтернативы.

Тем не менее, в «Катехизисе», основном своде правил жителей Офира, Щербатов дает моральные установки, согласно которым господину не подобает быть жестоким к своему рабу и не тяготить его работой, так как верховная власть за всеми наблюдает и в случае особых зверств по отношению к крепостному может лишить рабовладельца привилегий и имущества.

Князь Щербатов был впечатлен восстанием Емельяна Пугачева 1773-1775 годов и как вся реакционная часть масонов был напуган угрозой власти дворян. «Путешествие...» – это реакция князя на укрепление российской диктатуры крепостничества. Наличие характерного помещичьего деспотизма и особого рода наказания для политических преступников – это видение совершенного государства Щербатова-«утописта».

Безусловно, после утверждения таких антигуманных установок на идеальное, он разошелся во взглядах с масонами. Лучшие масоны российского общества XVIII века, такие, как Новиков, Лопухин, Сумароков, были настроены крайне негативно в отношении «вельможной знати», к которой тяготел Щербатов с особым пристрастием.

Точное мнение относительно выраженных двойных стандартов масонов выразил исследователь русской литературы XVIII-XIX веков Н.К. Пиксанов, утверждая, что масонская литература росла из «определенной социальной среды...дворянской, отображала в себе родовые черты дворянской идеологии» и потому в некоторых произведениях проявляется «культ дворянской исключительности...привилегий» [Пиксанов 1947: 84]

Масонский миф выразился в «Путешествии...» Офиром, куда, согласно легенде, отправлялся почитаемый вольными каменщиками архитектор храма царя Соломона Хирам. Также существует мнение, выделяемое Артемьевой, которая утверждает об относимости Офира к сказанию Ветхого Завета о царе Давиде, привозящем из этой земли драгоценности. [Артемьева 2005: 282]

В отличие от классических утопистов, князь Щербатов не ставит путешествия на первый план. Для него как для нарратора-политика важна

составляющая государственного устройства вымышленного царства, в котором, безусловно узнается Россия. Тем не менее ритуальных форм писателей-утопистов XVIII столетия Щербатов не мог избежать, потому использовал ярко выраженные сюжетные детали: морское путешествие, буря, необычное спасение, обитание на далекой земле, знакомство с «чуждым».

История Офира совпадает с российской историей. В контексте читаются слова из статьи князя Щербатова «Прошение Москвы о забвении ея», где автор рассуждает об ошибочном перенесении столицы Петром Великим. Названия офирских городов представляют «измененные анаграммы российских: Перегаб – Петербург; Квамо – Москва; Тервек – Тверь; Евки – Киев; Занга – Казань; Голва – Волга; Био – Обь» [Артемьева 2005: 282] Мы наблюдаем архитектурное и стратегическое сходство между Перегабом Щербатова и современным ему Санкт-Петербургом: упоминание Адмиралтейства, «гдѣ сіе правительство имѣло свое присутствіе» [Щербатов 1896: 770]. При въезде в город путники видели перед собой «содѣланную руками человѣческими, гавань, отверстіе которой имѣло два укрѣпленія, снабженныя пушками, а въ оной...немалое число парусныхъ и гребныхъ великихъ судовъ». [Щербатов 1896: 767] Заимствована у современной Щербатову России и символика государства: герб Санкт-Петербурга, представляющий перекрещенные якоря: «повѣренный Генераль-Адмирала имѣль на груди на крестѣ положенные два якоря». [Щербатов 1896: 771]

Неравнодушный на реформаторскую деятельность Екатерины II 1775 года Щербатов пишет статью-рефлексию «Замечания на «Учреждение для управления губерний для Всероссийския империи». В ней князь делает работу «над ошибками» императрицы и излагает свою альтернативу. Для сравнения представлений о губерниях изложим позиции Екатерины II и Щербатова:

«Учреждения для управления губерний для Всероссийския империи»	«Замечания на «Учреждения для управления губерний для Всероссийския империи»
--	--

<ol style="list-style-type: none"> 1. «Геометрическая» задача административного деления. 2. Разделение страны на 50 губерний с равным количеством населения 200-300 тысяч душ мужского пола. 3. Деление губернии на 10-12 уездов с количеством в 20-30 тысяч душ. [Екатерина II 1775: 213] 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Географический расчет административного деления. 2. Критика административного деления «по душам», поскольку в стране плотность населения распределена неравномерно. 3. Выстраивание административных ценностей в зоне человеческой досягаемости. 4. Учитывание географических условия и степени экономической развитости. 5. Деревня как административный город, если нет необходимости в существовании города. 6. Внимание к плодородности земель. [Щербатов 1935: 90]
---	---

Офирское царство выступает плодом ментального конструирования «совершенного» государственного устройства, выросшего на прежде написанных критических статьях Щербатова.

Эпоха Просвещения являлась временем мучительного поиска Бога и «истинной» религии, свободной от церквей». [Артемьева 2005: 285] Тенденции вольтерьянства и руссоизма с принципами «естественной религии» наблюдались в устройстве офирской вероисповедания.

Граждане Офира не имеют божественного писания, и их вера исходит из умозрительных заключений о Боге, не испорченная предрассудками, которые человечество формировало на протяжении долгих столетий. Офирское население в своих рассуждениях исходит из «интеллектуальных операций, ибо разум тоже божий дар... а такой вывод очевиднее исторических свидетельств». [Артемьева 2005: 285]

Храм выглядел круглым архитектурным сооружением с описанием незначительных масонских символов: «Онъ былъ построень изъ дикаго

камня, имѣя въ середкѣ яко окруженіе столбами въ два ряда постановленными, на коихъ утверждались куполы. По середкѣ...стояло солнце, или лучше сказать кругъ, имѣя середку серебряную, лучи же златые. На серебряномъ кругу голубою финифтью была изображена...надпись: превѣчный, всемогущій, правосудный, всеустраивающій, всемилюющій, вездѣ присутствующій». [Щербатов 1896: 799] Щербатов избегает изображения «Священной Дельты, равностороннего треугольника в лучах славы с всевидящим оком», и угольника как главных символов вольных каменщиков; отсутствует наличие Библии как главного письменного откровения масонов. [Артемьева 2005: 284] Тем не менее, как и масонское учение, офирская религия не предпочитает поклонения божественному изображению, «ей чужд фетишизм, жертвоприношения». [Артемьева 2005: 285] Так Щербатов описывает религиозный уклад Офира: «...Лучшая жертва...высшему существу есть сердце чистое...Офирянинъ имѣеть должность...прийти единожды въ недѣлю въ храмъ Божій и Ему краткую молитву принести...Молитвы наши...: 1) ежедневные, 2) на рожденіе младенца, 3) на бракосочетаніе и 4) на погребеніе». [Щербатов 1986: 804]

Геометрическая особенность храма выделена неспроста: круг является олицетворением Солнца, которое в свою очередь равноценно Богу. Щербатов не дает описаний и христианских символов храма. Поэтому, провозглашение Щербатовым в рамках Офира единого бога очевидно. Ритуальная составляющая офирской религии немногосложна; молитвы – немногословны.

Щербатов не предполагал издания «Путешествия...» в связи с собственными взглядами на религию. Цензура могла пропустить роман в печать, но автор намеренно писал «в стол». Руководствуясь убеждением, что для православного человека исследование собственной веры является грехом, и только в рамках утопического произведения он может свободно располагать рассуждениями и взглянуть на них со стороны.

В Офирском царстве нет института церкви, но последняя является эквивалентом власти. Избранием человека в священники занимается

полиция, олицетворяющая закон. Так, Щербатов полагал, что закон должен стоять на страже добродетели. Стоит принять во внимание, что в XVIII веке полиция представлялась средством государственной политики, близкой к морали, праву и экономике, и она не считалась карательным органом. Исследователь литературы XVIII века Т.В. Артемьева полагает, что в вопросе назначения полиции Щербатов описался на труды «немецких теоретиков «полицейского права» - Иосифа Зонненфальса и Иоганна Генриха Готлоба Юсти», которые сопрягали деятельность полицейских с «благодеянием частных семей с общим благом». [Артемьева 2005: 286]

Благодаря данному рассуждению становится ясно, почему офирская полиция занимается организацией жизнедеятельности жителей, попечением об их здоровье, безопасности, почему озабочена освещенностью улиц и их чистотой, а также решает вопросы о продаже испорченности продуктов: «Свехъ сего строеніе домовъ, въ силу учиненныхъ предпсаній, для спокойствія города и для безопасности, зависитъ отъ полиціи». [Щербатов 1896: 817]

«Естественный» и «гражданский» человек по М.М. Щербатову:

- гражданин мира;
- руководствуется установленными нормами морали,
- не тщеславен;
- незлопамятен на «ближнего»;
- далек от злобы и мщениа;
- пользуется преимуществами гражданской жизни, влекущей ограничение «естественной» свободы, а именно обязанности: к отечеству, к социуму, к семье;
- помнит о своих правах, почитая законы;
- не превращает почтительность в «раболепство»;
- уважает общество «без унижения для собственного достоинства» без исключений. [Щербатов 1896: 845]

В отношении гражданского человека Щербатов далек от руссоизма, так как не считает гражданский социум угрозой «естественному» порядку вещей, и потому не находит достойного применения «дикому» человеку в Офире.

Устройство Офирского государства представляет конституционную монархию, в которой понятие «мировая семья» выносится на метауровень:

Назначение	Чем является?	Функции и особенности
Царь	Высший исполнительный орган.	Выполняет хозяйственные функции: организует в загородном Доме Полезности сельскохозяйственную академию, где выводятся новая фауна и флора, которые будут распространены среди крестьян. Его роль декоративна и образцово-показательна.
Поместная палата	Высший законодательный и судебный орган.	Хранит карты империи и книги учета недвижимости и ее владельцев, поэтому суды, связанные с землевладением, проходят быстро и точно.
5 департаментов	Подразделение Поместной палаты	Занимаются решением проблем и организацией: <ul style="list-style-type: none"> - народного воспитания; - нравов; - благочиния; - экономики и торговли; - внешней политики; - управления городов; - армии
«Законник»	Должность в департаменте	Следит за выполнением закона
«Совестный суд»	Департамент Доброго совета.	Консультирует людей в вопросах закона.

Местное самоуправление	Высшее чиновничество	Компетентны и высоконравственны. Избираются строго и на определенное время.
------------------------	----------------------	---

Щербатов полагал, что браки по расчету не применимы в «идеальном» обществе, особенно, если это брак на иностранца/иностранке, поскольку это могло навредить национальному культуру. Так, например, офирский государь женился только на добродетельной жительнице Офира. Дети царя с малых лет воспитываются в простоте и скромности, а в комнате, где они воспитываются, располагаются изречения о жизни офирского правителя: «Царь долженъ самъ первый законамъ страны своей повиноваться, ибо по законамъ онъ и царь; а разрушая ихъ власть, разрушаетъ и подчинение подданныхъ къ себѣ». [Щербатов 1896: 980]

Особого внимания требуют архитектурные сооружения в Офирском царстве. Так, в столице Квамо мы замечаем доминирование государственных домов воспитательного и карательного назначения: академии, тюрьмы, суды, литейный дом).

В офирском храме нет определенного Бога, так как это место занимает государство. По замечанию Т.В. Артемьевой, Щербатов находит «Великий Порядок» выше божественного, ибо только он «может превратить страну Великой Неразберихи в процветающее общество». [Артемьева 2005: 293] Стоит отметить, что Щербатов прежде указывал в критических статьях, что политика Екатерины II носит субъективный характер, но в устройстве Офира мы наблюдаем ту же односторонность взглядов на предмет упорядоченности жизнедеятельности офирян. Регламентация затрагивает сословное разделение и составляющих его воспитания и образования. [Щербатов 1986: 795]:

1. Раздельное обучение мальчиков и девочек
2. Контроль государства за обучением как основы гражданского самосознания
3. Образование – бесплатное, всеобщее, сословное:

3.1 Академия – образование для «высшего» сословия, энциклопедическое и глубокое; разделено по сферам деятельности: научной, артиллерийской, инженерской, архитектурной, художественной, свободных наук);

3.2. «Мещанские» училища – образование для «третьего сословия»; овладение «полезными» науками с освоением бытовых профессий;

3.3 Скромные училища – образование для крестьян (чтение, письмо, счет, учение нравственному и «законному» «Катехизмам»)

В духе эпохи Просвещения Щербатов разделял заблуждение о возможности искусственного создания сословий, считая, что духовная сфера в состоянии контролировать социальные процессы, а общество будет с благоговением принимать интеллектуальные дары мудрецов на местах. Так, Щербатов устанавливает новое сословие – военные поселенцы, которое в мирное время занимаются хозяйственной деятельностью, в военное – защищать границы от врагов.

Утопия Щербатова раскладывает по «полочкам» не только политическую структуру государства, но и жизнь населения. Его универсальность организации «совершенного» общества не находит места для отдельной личности, так как при наличии таковой нарушится социальная устойчивость, являющаяся основой Порядка. Так, князь упорядочивает все, что не может понять.

Идеи масонства, которые легли в основу мировоззрения М. М. Щербатова, в значительной степени носят утопический характер, проповедуя «вечную» гармонию, равенство и благоденствие, которых, по мнению многих деятелей культуры того времени, не хватало и в «просвещенной» монархии Екатерины II. Служа под началом императрицы, князю приходилось скрывать членство в масонской ложе, которое сыграло значительную роль в дальнейшей судьбе этого крупного мыслителя и общественного деятеля. Идея «протеста» и новаторства в управлении государством, назначение иной программы политического и общественного развития, обличение пороков

правителей – вот основная цель его наиболее известного произведения «Путешествие в землю Офирскую...»

2.3. «Путешествие в землю Офирскую г-на С...шведского дворянина»: анализ романа через призму антиутопии

Михаил Михайлович Щербатов как историк-профессионал показывает читателю эстетику жизни граждан «Офирской» земли, сочетающуюся с добродетельными законами, послушание которых жестоко каралось. Критики, убежденные в то, что князь Щербатов ярый консерватор, считают «полицейскую государственность Офирской земли...щербатовским методом «каждодневного управления страной», тем самым доказывая консервативный характер утопии, которой несправедливо признан его роман. Проект военных поселений, который предлагает писатель, рассматривается исследователями как идеальная государственная система.

Роман князя Щербатова написан от лица некоего дворянина из Швеции, который волей судьбы попадает на неведомую Офирскую землю – страну необычную, фантастическую и весьма богатую. Герой романа знакомится с политическим устройством страны, её традициями, обычаями и религией. В контексте романа Офирская земля является идеальным государством, где расцветают сельское хозяйство, промышленность; политическая и социальная жизнь устроены рационально, социальные конфликты исчерпаны правилами поведения и нормами морали, «все источники «повреждения нравов» исключены». [Щербатов 1896: 854]. Локально данное государство располагается близ Антарктиды, так что климат Офирии похож на европейский, как и мир флоры и фауны. Родной язык офирян – санскрит – язык довольно редким, но по счастливой случайности является знакомым главному герою. Сюжет романа строится на знакомстве новоприбывших гостей, в числе которых г-н С., с бытом удивительного государства. Беседуя с представителями офирской власти,

шведский дворянин узнает об их гражданских и нравственных принципах, согласно которым данное общество существует.

В земле Офирской, счастливом государстве, отсутствует всякого рода религия в еще истинном значении. Однако наблюдается нечто, что напоминает ее. «Это «естественная религия» иудаизма — поклонение живому существу Натуры. Ведь для масона видимая природа оживляется центральным огнем, мировым Разумом, двуполым по своей природе, великим Гермафродитом». [Острецов 1998: 65].

Общественная молитва офирян осуществляется в храме, чья обстановка имеет подобие масонской ложи. При этом храм построен из «дикого камня». Стоит отметить, что символ камня играет существенную роль, ибо масонов прозвали «вольными каменщиками», строителями «лучшей» жизни, великими архитекторами. Здесь же мы наблюдаем диссонанс по отношению к утопическому миру, стремящему к единению с природой, вселенской гармонии: камень ограждает жителей Офирии от окружающей их природной среды.

Вернемся к описанию храма: в центре находится символ солнца, которому офиряне совершают поклонение. Солнце как символ — обязательный атрибут масонской символики. Одевание священника офирского храма состоит из масонского передника, запона, на котором изображено восходящее солнце. Стоит отметить, что именно отсюда произошли названия масонских типографских источников Н. И. Новикова: «Утренний свет», «Вечерняя заря». Жители Офирской земли в храм стоят молча и на коленях, а священник читает молитву про себя. Сама молитва — своего рода медитация, продолжительность которой около двух минут. Так, она не обременяет офирян, но имеет огромный смысл.

Весьма противоречивым в сюжете романа Щербатова является следующий момент: ворота храма всегда открыты для прихожан, убранство внутри скромное, без излишеств, однако стены храма «Всевышнего» охраняют надзиратели. Перед нами встает вопрос: отчего требуется надзор

полицейской полиции возле священного места жителей Офирии? Ведь высшие чины государства заявляют о том, что среди их людей практически нет порочных. Однако даже малая доля этого в статистике Офирии говорит о присутствии некоторого недовольства офиряннином собственной жизнью, недовольство, могущее побудить к преступлению и варварству.

Известно, что греческая богиня справедливости богиня Астрея играет существенную роль в идеологии масонского учения. Как пишет в своей работе «Царство Астреи. Миф о золотом веке масонской литературы XVIII в.» В. И. Сахаров: «Не случайно главная, «великая» (или «материнская»), ложа русских масонов всегда носила имя Астреи, древнегреческой богини справедливости, управлявшей счастливым миром идеальных людей в золотом веке» [Сахаров 2002: 107]. В романе М. М. Щербатова мы находим символические знаки пороков, которыми попирает богиня Астрея. Это еще одна черта антиутопии, ведь пороки символизируют антиутопическое общество.

По выходе из храма путешественник в землю Офирскую узнает, что священник является офицером полиции, так как эти должности имеют одну цель: исправление нравов офирян. Никаких таинств, вероисповедных истин религия офирян не знает. Все сводится к поддержанию здорового образа телесной жизни и состояния нравов. Идеологическая сфера тоталитарного государства офирян вобрала в себя жрецов идеологии, полицию и правосудие и слила их в одно целое. Священник, полицейский и судья — эти должности исполняет у них одно лицо, как и в тоталитарной модели СССР всё это сливалось в коммунисте, «исправляющем» общество.

Все процветание земли Офирской основано на тщательном контроле за каждым шагом жителей. Полиция обязана знать о каждом дыхании граждан. «Каждый разврат нравов, яко явное непочтение родителям своим, сварливость, жестокие поступки с подданными своими, мотовство, излишняя роскошь» — унимается «благочинными», то есть полицейскими. [Щербатов 2010: 192].

Бесконечный и беспощадный контроль за каждым жителем с точки зрения соблюдения «нужных нравов» ставился во главу угла.

Утопическому началу, к которому склоняется большинство исследователей «Путешествия в землю Офирскую...», находится ряд очевидных противоречий, диктующих антиутопические тенденции:

1. Народ Офирии довольствуется полученным социальным положением, но при этом в государстве существует система наказания и угнетения как показатель того, что жители недовольны своим местом «под солнцем». [Щербатов 1896: 840]

2. В школах обучаются как мальчики, так и девочки с раннего возраста теоретическим, прикладным и нравственным дисциплинам, но вместе с тем такие учебные заведения изолированы от общества. В реальности это может привести к тому, что будущее поколение будет не приучено к жизни в социуме при всех своих приобретенных навыках. [Щербатов 1896: 908]

3. В государстве существует система благотворительности со стороны состоятельных граждан, а это значит, что в Офирии есть и малоимущие граждане, что является признаком несправедливого общества, а значит «неидеального»: «...Что касается до точныхъ привязанныхъ ко двору, весьма малъ, ибо он состоитъ изъ следующихъ особъ: в дворцкомъ, имѣющем попечение о столе Императора и о снабжении всемъ нужнымъ двор, который есть третьего классу, в конюшемъ четвертого классу, в четырехъ придворныхъ, которыхъ мы аза называем, двухъ четвертого классу и двухъ пятого классу, в ловчем шестого классу». [Щербатов 1896: 886].

Изучая данные противоречия, мы находим и, собственно, сами черты свойственные антиутопии, а именно:

1. Строгая регламентированность всего бытия.

Общественная и личная жизнь граждан расписаны до мельчайших деталей: каждому офирянину даны правила о том, как ему жить, как носить платья, какой дом иметь, сколько иметь слуг, по сколько блюд на столе должно быть на столе, какие напитки, на поправку больного

рассчитано определенное число денег, и поэтому каждый должен жить так, как ему предписано. «Мы были введены в комнаты, которые не имели никаких излишних украшений. Стены были подмазаны алебастром, столы и стулья из простого дерева, но удивило меня то, что я видел поставленных несколько малых зеркал. Кушанья было очень мало, ибо хотя нас было и десять человек за столом». [Щербатов 1896: 790]. Жизнь в Офире начинается с полуночи. Молитвенные процессы осуществляются трижды на протяжении всего дня.

2. Высший и постоянный контроль со стороны власти.

Власть, помимо правителя государства, возлагается на полицейских, которые не только следят за общественным порядком и миром на улицах страны, но и за нравственным: «Офирская полиция стоит на страже законного порядка и выполняет наряду с другими функции полиции нравов, следящей за «благочестием». За это ответственны особые чиновники, называемые санкреи (благочинные)... возложенных на санкреев, кои и наблюдают за благонаравием. Протчие должности полиции состоят в следующих частях: 1) попечение о здоровье жителей, 2) о их безопасности, 3) о спокойствии и 4) о освещении...». [Щербатов 1896: 861]

Тотальный контроль высшими органами власти Офира наблюдается не только по отношению к жителям, но и гостям государства. Так, господин С. при обозрении города сопровождается начальником войск «по обыкновенному учтивству офирского народа». [Щербатов 1896: 769].

3. Внушение как способ управления внутренним миром людей.

Рассматривая роман Щербатова в этом срезе, мы можем предположить, что такая практика применяется в Офире в учебных заведениях, которые изолированы от общества. Детям, соответственно, могут внушать различные «нравственные» нормы, чтобы взрастить новое поколение «идеальных» граждан. До достижения пятилетнего возраста детей отправляют в учебные заведения, делящиеся на мужские и женские. «Учение сие их продолжается до семнадцати лет, а тогда по науке и благонаравию своему некоторые

распределяются в разные должности, в военную или гражданскую службу, однако под присмотр старших начальников, которые должны за них ответственность, до двадцатидвухлетнего их возраста, чтобы сохранена была чистота их нравов и чтобы они в изученных знаниях предупевали». [Щербатов 1896: 990].

4. Ирония как общий психологический рефрен романа

Показательно ироничное высказывание в адрес противника Российской империи, в котором читатель явно увидит насмешку не в адрес Швеции, а в сторону Российской империи, так как система правления вражеского государства была прогрессивной и правильной: «Две основные дворянские группировки в шведском парламенте – рикстаге получили в 30-е годы иронические прозвания «ночных колпаков», или «шапок» – как знака «простонародья» и «шляп» – как символа аристократического происхождения. «Шапки» были правящей партией и активно выступали за прочный союз с Россией, стремясь восстановить подорванный в Северной войне международный престиж страны. «Шляпы» были агрессивными, и после их прихода к власти в 1741 году России объявляется война, закончившаяся через год полным поражением Швеции. [Щербатов 1896: 754].

5. Квазиноминация, косвенно раскрывающая абсурдность мира.

Они выражаются игрой букв в наименованиях городов, в которых побывал главный герой (Квамо — Москва, Переграб — Петербург, Голва — Волга), но и в названии фрегата: «Я былъ отпущень, и на фрегатъ "Надеждъ", на коемъ былъ капитанъ Г-нъ Б., въ исходъ Ноября мѣсяца сего самаго года, изъ Пондишери отправился въ Европу». [Щербатов 1896: 757] Герой словно оправляется в путешествие в надежде найти лучший мир, чем тот, в котором он вырос. Однако Офирия «надежд» господина не оправдала.

Мы считаем, что данное утверждение поддается критике, так как мы замечаем связь Щербатова с масонами, наблюдая за тем, как пересекаются деятельность князя и учение приверженцев данного идеологического

течения. По словам В.И. Сахарова, «суровый старовер, представитель раннего русского масонства князь М.М. Щербатов высказал в знаменитом историческом трактате-памфлете «О повреждении нравов в России» чисто масонскую мысль: «Развратное сердце влечет за собою развратный разум». [Сахаров 2002: 111]

Почему же так активно развивалось это учение среди жителей Российской империи, несмотря на таинство существования «вольных каменщиков» и почему каралась любая связь с ними? Масоны – сторонники такого общества, в котором главенствует равенство, справедливость, гармония путем просвещения. Из этого следует, что они отвергают всякого рода деспотизм, социальное неравенство и выступают против правителей-монархов. Войны, реформы, затронувшие все сферы деятельности и все слои русского общества, не остались незамеченными. Собственно, это и послужило главной почвой для «новых» людей, решивших поменять устройство российского государства. Цензура не спала, а власть всячески старалась искоренить «ново-просвещенных» деятелей, которые критиковали в своих трактатах и в литературных творениях государственный и социальный строй страны.

Как пишет В. М. Гуминский, по сюжету щербатовского романа прослеживается аналогия со строительством Петербурга и реформами Петра I, убежденным противником которых был Щербатов. [Гуминский 1977: 230]. Собственно отсюда, по мнению исследователей данного концепта, и вытекает дальнейшая «Офирская» история, выдвигая негативную оценку политике русских монархов, а именно Петру Великому, чьи реформы в сфере просвещения имели большие заслуги до «победоносной войны» со шведами, вследствие которой государство понесло огромные потери. «Государственный утопизм» касается и времен екатерининского правления: «Сцена несложных приготовлений офирцев к встрече своего императора — явная параллель к знаменитому крымскому путешествию Екатерины («потемкинские» деревни и т. п.); мирная внешняя политика офирских

правителей контрастна многочисленным военным предприятиям «славолюбивой» государыни». [Гуминский 1977: 8].

Данным антиутопическим чертам в романе сопутствуют явные сюжетные противоречия:

1. Народ Офирии довольствуется полученным социальным положением, но при этом в государстве существует система наказания и угнетения как показатель того, что жители недовольны своим местом «под солнцем»

2. В школах как мальчики, так и девочки с раннего возраста обучаются теоретическим, прикладным и нравственным дисциплинам, но вместе с тем учебные заведения изолированы от общества. Это может привести к тому, что будущее поколение не будет приучено к жизни в социуме при всех своих приобретенных навыках.

3. В государстве существует система благотворительности со стороны состоятельных граждан, а это значит, что в Офирии есть и малоимущие граждане, что является признаком несправедливого общества, а значит «неидеального».

4. При встрече правителя жители Офирской земли не выражают никаких возгласов радости и почета при виде лица власти. Из этого следует, что граждане, возможно, и вовсе не рады приезду государя, а показательное их смирение и пассивность является признаком страха.

Роман М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С...шведского дворянина» нельзя категорично называть утопией, так как в сюжете и идее произведения наблюдаются антиутопические черты. Остается открытым вопрос: Офир – это формат идеального государства, где были реализованы прогрессивные реформы, или же данное государство является карикатурным изображением, своего рода пророчеством того, что может случиться со страной, соблюдающей порядки диковинного государства, представленного автором.

Среди литературоведов и историков жизни и творчества князя Щербатова есть те, кто считает идеалом автора исследуемого нами романа прошлое и относит роман к жанру утопии [Горемыкина: 143]. Есть группа исследователей, чья позиция заключается в том, что «Путешествие в землю Офирскую...» представляет собой синтез утопии и дистопии, обозначенный границами одного текста. Антиутопия проявляется в романе в виде прошлого Офирской земли, напоминающего вторую половину XVIII века Российской империи; при том, что утопия – это настоящее положение дел вымышленного Щербатовым государства, к системе которого наше отечество должно стремиться. [Приказчикова 2010: 26]

Глава III

Явление антиутопии в творчестве В.К. Кюхельбекера

В первой трети XIX века в преддекабристский период активное участие в становлении жанра антиутопии принимает В.К. Кюхельбекер (1797-1846). В данной главе нами будут рассмотрены основные антиутопические приемы в повести В.К. Кюхельбекера «Земля Безглавцев». При анализе биографии автора, при исследовании его творческого становления мы приходим к следующему выводу: течение гражданского романизма в русской литературе формирует антиутопические тенденции в произведении писателя-декабриста.

3.1. Взгляды декабристов и масонов на общественно-культурную ситуацию в России в начале XIX века

Историография отмечает, что присущий масонам политический консерватизм, отсутствие развития благотворительной деятельности просветителей, господствующий мистицизм в масонских ложах – способствовали уходу будущих декабристов с масонской «тропы». Однако это не означает, что масонство не сыграло роли в формировании идеологии

декабристов, потому исследователи истории тайных организаций первых десятилетий XIX века не могут обойти стороной масонский вопрос.

Современный петербургский историк Брачев пришел к заключению, что масонские ложи стали непригодными для радикальных решений декабристов и их революционного настроя: они «переросли их». [Брачев 1999]

Декабризм начал зарождаться в период Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии 1813-1814 годов. Благодаря длительному нахождению в Германии и Франции, умы россиян захватывают идеи либерализма, распространенные на Западе. Русские масоны тесно контактируют с европейскими, чьи взгляды усовершенствовались после Великой Французской революции 1789 года и приняли радикальную сторону. В последствии подобный культурный обмен сказался на мировоззренческих ориентирах будущих декабристов.

Первые десятилетия XIX века приходятся на царствование Александра I, который продолжил дело Петра Великого и Екатерины II. Однако будучи осторожным человеком, император не приложил усилий для воплощения утопических идей, к которым так же, как и предшествующие ему государи, тяготел. Исключением явилось создание военных поселений графом А.А. Аракчеевым, который являлся очень расторопным и практичным военачальником, энергичным и жестоким. С этой системой жизнедеятельности император познакомился в Австрии, ознакомившись с трудами французского генерала Сервана. Так, в 1810 году император издал указ о военных поселениях и поручил Аракчееву ведение этого дела.

Поселение располагалось в Грузино Новгородской области. Надо признать, граф ответственно подошел к контролю хозяйства поселения: закупал плуги, удобрения и прочие хозяйственные принадлежности. По словам Егорова, ввел многопольную систему, селекцию скота и семян». [Егоров 2007:114]

Однако здоровье и благополучие рабочих его не так волновало. Так, распространилось выражение «аракчеевский режим», согласно которому:

– крестьяне постоянно занимались наряду с сельскохозяйственными работами военной подготовкой;

– вводились штрафные санкции за поломку техники и отказа от посещения церковной исповеди («с офицера – 10 рублей, с нижних чинов – 50 копеек» [Егоров 2007: 114];

– семьи формировались по новому формату – с помощью списков, в которых указывались имена тех, кому «пора жениться и выходить замуж» посредством розыгрыша билетов с именами (молодые вдовы не могли участвовать в подобном «сватовстве», а старых могли выселить «ради сокращения казенных расходов» [Егоров 2007: 114];

– контролю подавалась и рождаемость: каждая женщина должна ежегодно рожать желательно ребенка мужского пола;

– дороги должны строить прямо «без извивов» так, чтобы они проходили через кладбища, которые, по приказу Аракчеева, следовало «сравнять с землей». [Егоров 2007: 114].

Однако решительность и контроль за ситуацией Аракчеев не проявил в подавлении декабристского восстания 14 декабря 1825 года. Военные поселения, в свою очередь, пережили царствование Александра I, Николая I и Александра II вплоть до отмены крепостного права.

В 1822 году масонские ложи окончательно начали заменяться тайными обществами, вдохновленными итальянскими карбонариями и польскими радикальными масонами. Основными причинами образования этих тайных собраний являлись:

1. Взаимодействие России с Западом во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813-1814 годов
2. Осознание народом своего рабского положения, в котором держит его страна
3. Неудовлетворение александровскими реформами

Помимо этих причин, нельзя исключать и недовольство будущих декабристов политической стагнацией, нерациональной тратой времени на ритуалы в масонском кругу, пассивность в организации благотворительной и просветительской деятельности. Так, многие декабристы, разочаровавшись в масонстве

Активные деятели тайных собраний желают образовать новое совершенное государство на полуострове Камчатка, на острове Сахалин; Украину представляют свободной республикой, построенной «по образцу Платона». [Геллер 2003: 181] Так, в 1818 году М. Дмитриев-Мамонов и М. Орлов основывают Орден российских рыцарей, которые, подобно тамплиерам, пусть и насильственно, но изменяют российское общество. Они ставили задачу построение нового режима в России, который имел черты британского монархизма, контролируемого аристократией, и Новгородской республики.

Орден российских рыцарей не проявлял себя как действенный масонский «организм» и существовал лишь идейно. Однако он является первой преддекабристской структурой в ряду масонских лож. Исследователи считают, что благодаря будущим декабристам в масонской идеологии помимо консерватизма и либерализма наблюдается радикальное течение, способствующее революционному настроению в России в первой половине XIX века.

Наряду с Орденом российских рыцарей образовался «Союз благоденствия», теоретическую основу которого составляло масонское учение. Идеология этого тайного общества была направлена на распространение добродетели посредством «личного примера...устной и печатной пропаганды». [Геллер 2003: 210]. Так, представителями устава Союза благоденствия являлись проекты конституции Н.М. Муравьева и «Русской правды» П.И. Пестеля.

Дмитриев-Мамонов был в числе масонов, однако ритуалы вольных каменщиков были в числе последних, а среди первых – политические

идеалы, утверждающие ограничение самодержавия аристократическим кругом лиц – Сенатом – и объявление России республикой. Взгляды Дмитриева-Мамонова разделяли М.Ф. Орлов, М.Н. Новиков, Н.И. Тургенев. Мамонов считал, что освобождение крепостных грядет с уничтожением деспотизма. Основой его утопии являлась мысль об сокрушении военной имперской машины усилиями нескольких организаторов частных народных ополчений.

Основой социально-политических проектов декабристов являлись труды Н.М. Муравьева и П.И. Пестеля, которые строились на теории «естественного права». В 1824 году Муравьев предложил конституцию, выдержки из которой даны в исследовании Егорова:

1. Русский народ является свободным и независимым, поэтому не может принадлежать какому-либо лицу и семейству
2. Крепостное право нужно отменить, поскольку не должно быть разницы между благородными и простолюдинами
3. Каждый имеет право высказывать свои мысли и не быть за это наказанным
4. Помещикам остаются их земли, где прежде жили и работали крестьяне
5. Военные поселения подлежат уничтожению
6. Отсутствует запрет на какие-либо конфессии и утверждается тотальная веротерпимость
7. Классовое разделение перестает быть актуальным и заменяется понятием Гражданин или Русский
8. «Россия делится на 13 держав, 2 области и 569 уездов»
9. Законодательную власть исполняет Народное Вече, которое делится на Верховную Думу и Палату народных просветителей
10. В Палату просветителей может баллотироваться любой гражданин (даже крестьянин, но не крепостной), если он заплатит 30 тысяч рублей недвижимости или 60 тысяч движимого имущества. Для избирателей

ценз занижен: 500 рублей – на недвижимость, 1000 рублей – на движимую собственность.

11. Император является верховным чиновником российского просветительства. [Егоров 2007: 134]

Относительно последней формулировки назначения императора Егоров рассуждает как о республиканско-демократической формуле «об избранных президентах и управляющих как чиновниках, нанятых народом». [Егоров 2007: 134] Справедливо заметить, что у Муравьева император олицетворяет исполнительную власть и контролирует законодательную, принуждая ее «ко вторичному рассмотрению закона». [Егоров 2007: 134]

В конституции наблюдается субъективизм Мамонова по отношению императора: последнему запрещалось выезжать за границу, поскольку лично Мамонов осуждал путешествия Александра I за границу и общение с консервативными властями европейских государств.

П.И. Пестеля не утраивал в конституции Муравьева имущественный ценз за право избирать и быть избранным, так как глава Южного общества декабристов полагал, что «будет господствовать «аристократия богатств» [Егоров 2007: 135]. Также Пестель возражал против муравьевского федерализма, считая, что страну не следует разделять на части, так как она должна представлять собой единое целое и в ней априори не будет сословной несправедливости.

Свою конституцию Пестель озаглавил «Русская Правда», которую свет увидел в 1825 году. Идеи Пестеля сходятся со взглядами Муравьева о народе и власти. Исключение составляет убеждение Пестеля о принадлежности правительства народу, которое устанавливается для блага народа, а не наоборот.

«Русская правда» предназначалась для временного Верховного правительства, которое должно было взять власть в России после восстания. В книге Егорова мы находим, что утверждения Пестеля немного разнятся с видением Муравьева:

1. Основное российское общество состоит из коренного русского населения, и вторую группу населения будут составлять присоединенные народы
2. Православие является главным вероисповеданием в стране, но другие религии, не противоречащие христианству, имеют право на существование
3. Каждый должен уважать личную веру другого
4. Массовая замена иноязычных слов русскими: «республика – общедержавие, тирания – зловластие, казарма – военжилье, сабля – рубня». [Егоров 2007: 137]
5. Ассимиляция национальных меньшинств страны: ликвидация их обычаев, противоречащих русским (запрет многоженства татар). Для решения еврейского вопроса предлагается два варианта: ликвидировать их обособленность и приобщить к русскому быту, или «помочь организовать собственное государство в Малой Азии» с помощью российских военных и пешего похода через Кавказ и Турцию. [Егоров 2007: 137]
6. Приобщение кочевых азиатских народов к земледелию и христианской культуре благодаря миссионерам
7. Изменение административной карты государства с созданием десяти крупных округов: столицей объявлялся Нижний Новгород, переименованный во Владимир, а прежний город Владимир, в свою очередь, также переименовывался в Клязьмин
8. Частная собственность неприкосновенна, но права земледельцев ущемляются государством: «если у помещика 10 тысяч десятин земли, то государство безвозмездно отбирает у него половину». [Егоров 2007: 138]
9. Политические права вступают в силу с достижением двадцатилетнего возраста
10. Законодательной властью обладает Народное вече, которое избирается на пять лет

11. Исполнительная власть находится у Державной думы, состоящим из пяти человек

Если Муравьев в написании проекта конституции опирался на американское либеральное общество, то проект Пестеля расположен между либерализмом и «репрессивными мерами», подобными в государственных утопиях. [Геллер 2003: 214] Анализируя конституционные проекты Муравьева и Пестеля, можно определить, что они противоречивы и утопичны, что несомненно мешало их реализации:

1. Муравьев придает конституции аристократический оттенок с выражением имущественного различия между народом

2. Пестель вносит в документ «идеи национального и административного устройства». [Егоров 2007: 139]

За антимонархические тенденции и установление демократических и республиканских идеалов в России деятели были приговорены царским судом: Пестелю – повешение, Муравьеву – каторга.

Писателей-декабристов в формировании жанра утопии отличал романтический характер мировоззрения.

Романтические утопии обращаются в прошлое или будущее, возрождая ценности, которые были отброшены цивилизацией, и показывая «возможные последствия бездумного прогресса». [Геллер 2003: 217] Материалом для создания утопий и антиутопий являлся упадок Европы в первых декадах XVIII века, а именно упадок «цивилизации без добродетели». [Геллер 2003: 219]

В «Европейских письмах» Кюхельбекер изображает подобный упадок картинами разрушенных европейских городов и возвращение их в «дикое» состояние. Идеализируя Америку с ее цивилизованностью и государственным и общественным процветанием, писатель сравнивает ее с будущей Россией, которая сознательно уподобляется американскому мифу.

3.2. В.К. Кюхельбекер и понимание антиутопии в романтизме

В.К. Кюхельбекер родился в 1797 году в небогатой и незнаменитой семье. После смерти своего отца будущий декабрист воспитывался в семье Глинок, которые обеспечили ему образование в Царскосельском лицее, в котором готовились высшие управленческие кадры России. Именно в стенах учебного заведения юный Кюхельбекер формировался как мыслитель и писатель. Интерес к тайным обществам Кюхельбекер проявил также в ученические годы: вместе с Дельвигом он вступил в ряды раннего декабристского собрания «Священная артель».

Увлечение творчеством и формирование мировоззрения Кюхельбекера, по замечанию исследователя Котляревского, связаны с метафизическим умонастроением, что определило философское мирозерцание писателя. [Котляревский 1901: 23] Кюхельбекер тяготел ко взглядам поэта-философа Шеллинга, который считал, что народ – это носитель определенной идеи, которую он вносит в «общую сокровищницу человеческой цивилизации». [Горемыкина 2015: 43] Именно это рассуждение способствовало вынашиванию мысли Кюхельбекера о великом положении славян в мировой истории и России, в частности.

Как полагает литературовед В.Г. Базанов, литературная деятельность Кюхельбекера выступает пропагандой революции. [Базанов 1950: 60] Соответственно, идеи декабризма и подъем самосознания русской нации влияли на художественное становление гражданского романтизма, в русле которого развивается литературная деятельность Кюхельбекера.

Немаловажное место в личностном развитии Кюхельбекера занимала альма-матер – Царскосельский лицей, который являлся престижным учебным заведением и славился лучшей образовательной методикой, основанной на идеях Просвещения. Благодаря этому фактору, в учениках воспитывались, в первую очередь, духовные ценности: нравственность, этика, мораль. Внутренняя обстановка учебного заведения располагала воспитанников к

свободному выражению своих мыслей, в которых реализовывались индивидуальные черты личности обучающихся.

Как и все ученики Царскосельского лицея, Кюхельбекер находился под влиянием особых типов воспитательных мер преподавателей М.Ф. Малиновского и Е.А. Энгельгардта. Основой первого типа воспитания явился дух Нового времени: когда отношения между учениками формируются без влияния наставника; основа второго – классическая: учитель оказывает влияние на воспитанника.

М.В. Горемыкина отмечает, что некоторые исследователи, например, Е.В. Луняев, Б.П. Башилов, связывают подобные образовательные новшества с влиянием масонского учения, и строительству Лицея способствовали именно масоны М.М. Сперанский и А.К. Разумовский. [Горемыкина 2015: 51] Кюхельбекер испытал влияние масонов именно в стенах Царскосельского лицея и был членом масонской ложи «Избранного Михаила» с 1818 по 1822 годы.

К сочинениям деятелей эпохи Просвещения будущего декабриста приобщил муж его старшей сестры Г.А. Глинка. Благодаря этому Кюхельбекер составляет «Словарь» (1815-1817), в котором цитирует Ж.Ж.Руссо и Ф.Р. Вейсса и определяет свои взгляды как философ, политик и литератор.

После окончания лицея он занимается преподаванием и, повсеместно, сотрудничеством с журналами, где публиковались его работы как поэта, критика и публициста. Постепенно мировоззрение Кюхельбекера все больше отрицает царскую тиранию. В Вольном обществе любителей российской словесности он знакомится с Ф.Н. Глинка, декабристом и активистом Союза благоденствия.

В 1820 году Кюхельбекер по настоянию Дельвига решает отправиться в путешествие по Европе вместе с «богатым вельможей А.Л. Нарышкиным» за поисками «борьбы народов и царей» на Западе. [Королева 1979: 575] В Париже под влиянием антимонархического общества «Атеней» будущий

декабрист читает лекции о русском языке и литературе, в контексте которых проявляются тенденции к радикальному подходу против самодержавия и крепостного права, чем привлекли внимание местных властей. Кюхельбекер предпринимает попытки участия в освобождении греков от тирании турецкого ига, но они не увенчались успехом.

Благодаря связям Кюхельбекер отправляется на Кавказ, где завязывает дружбу с А.С. Грибоедовым, которого он считал «самым близким по литературным взглядам писателем и самым дорогим человеком». [Королева 1979: 576] Однако и там он показал натуру бунтовщика и вскоре выслан со службы.

По приезду в Москву в 1823 году Кюхельбекер совместно с В.Ф. Одоевским при поддержке влиятельных коллег Вяземского и Грибоедова издают альманах «Мнемозина», где публикуют в том числе и свои произведения. Однако первоначальный успех издания не помог Кюхельбекеру обрести стабильное материальное положение, и писатель перебивается редкими заработками журналиста. Его попытки найти дополнительные финансы и построить карьеру тщетны:

В силу своего темперамента и жизненных обстоятельств «республикански настроенный Кюхельбекер» завязывает отношения с Бестужевы и Рылеевым, которые являлись радикально настроенными активистами тайного собрания декабристов. [Королева 1979: 577] В Северное общество Кюхельбекер был принят уже накануне декабристского восстания. Вступление в ряды радикалов воспринимался как «символических обряд» посвящения в тайное общество. [Королева 1979: 577]

Приобщение Кюхельбекера к декабристскому кругу объяснялось следующими причинами:

- в государстве чиновники злоупотребляют взятками и своим положением;
- крепостные крестьяне находятся в бедственном положении и претерпевают угнетения со стороны своих хозяев;
- промышленность и экономика находится в упадке;

- народ потерял нравственность;
- дворянству не хватает образованности и воспитанности;
- цензура загнана в жесткие рамки, утвержденные государством;
- республиканская форма правления является необходимой политической мерой для «спасения» России.

Романтизм формируется в России в 1820 году, по словам Ю.В. Манна, занимая важное место в «динамике литературных направлений» и обладая национальным своеобразием. [Манн 1989: 130] Романтики утверждали главенство духовной составляющей мира над материальной, переосмысляя просветительские идеалы. Романтизм стимулировал увлечение народа историей, традициями, фольклором, а также рассматривал необходимость возврата к культурным истокам. Так, «идея национальной самобытности и народности» выразилась в статье «Взгляд на текущую словесность» (1820 г.) и стала характерной чертой творчества Кюхельбекера. [Горемыкина 2015: 74] Благодаря русскому романтизму, Кюхельбекер совместил «идеалистические устремления с идеей «ответственности личности за социальное бытие» и противопоставил нравственной личности порочную толпу. [Горемыкина 2015: 84] Поскольку познание поэтом действительности шло через него самого, нередко он испытывал чувство неудовлетворенности и видел, как желаемое не соответствует полученному результату. Эти негативные эмоции были пропитаны духом трагизма, ощущением воздействия пошлости на нравственность человека, которая коренится в его естественной натуре.

Кюхельбекер понимал, что ему следует выйти за рамки поэзии созерцания, поэтому в 1820 годах он преследует мысль о поэтическом творчестве как способе предупредить общество о грядущей трагедии заставить его задуматься и этим его спасти. Так, рождается мифологема «поэт-пророк».

Романтическое сознание начала XIX века обусловило распространение утопического жанра среди литературных деятелей, мировоззрение которых

заключалось стремлении к совершенству и в понимании, что мир находится на стадии развития.

Поиск гармоничного мира они осуществляли с помощью фантастических приемов, которые помогали автору уйти от действительности и решить злободневные проблемы бытия в вымышленной вселенной. В фантастической повести применяется принцип двоемирия – противопоставления мечты и реальности.

Стоит отметить, преддекабристский период развития утопизма в России не ограничивался именем В.К. Кюхельбекера. Вклад в развитие гражданского реализма внесли такие деятели, как А.Д. Улыбышев повестью «Сон» (1819), в которой автор с помощью одноименного литературного приема предаётся размышлениям о назначении сна в решении проблем человечества. Ф.В. Булгарин в повести «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в двадцать девятом веке» (1824) благодаря приему перемещения во времени строит «образ будущего», которое обличит « пороки современного общества». [Горемыкина 2015: 136] В следующей повести автора «Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли» (1825) утопизм выражается в путешествии героя с помощью природного катаклизма – бури, - попадает в Новую Землю, подобно персонажам «Путешествия...» М.М. Щербатова.

Есть основания полагать, что «Земля Безглавцев» написана вследствие событий в жизни Кюхельбекера, которые непосредственно повлияли на мировоззрение писателя как просветителя, романтика и «спасителя»:

1. Благодаря путешествию по Европе он познакомился с видными деятелями И.В. фон Гете, В.Ж.Э.де Жуи, узнал западную культуру изнутри и реализовал «свои идеалы и надежды» в повести «Европейские письма». [Горемыкина 2015: 139]

2. Знакомство с А.С. Грибоедовым значительно повлияло на мировоззрение Кюхельбекера в отношении его гражданской позиции и в

убеждении «общественной и национальной значимости поэзии». [Горемыкина 2015: 140]

3. Сотрудничество с В.Ф. Одоевским и издание совместного альманаха «Мнемозина» (1823-1825), где Кюхельбекер мог свободно самовыражаться и проявлять творческий потенциал.

«Европейские письма» (1820) были первым утопическим произведением Кюхельбекера. В них автор идеализирует будущую Северную Америку с ее республиканским политическим строем, унося читателя в XXVI столетие. Стоит заметить, что по воле писателя Париж и Лондон исчерпаны с лица земли, а Рим стоит в развалинах. [Кюхельбекер 1977: 100] Кюхельбекер строит идеальный мир и только европейские развалины нарушают идиллию картины будущего. Исследователь Егоров предполагает, что данные сцены можно рассматривать «как вкрапления антиутопий в идеальную структуру». [Егоров 2007: 128]

Накануне декабристского восстания в 1824 г. Кюхельбекер пишет вторую утопическую работу «Земля Безглавцев», опубликованную в совместном с Одоевским альманахе «Мнемозина». Повесть, как считает Егоров, «почти чистая антиутопия, но содержащая...странные утопические инкрустрации» [Егоров 2007: 128] Повесть носит незаконченный характер и завершается словами «продолжение когда-нибудь», предположительно, из-за событий 1825 года, в которых Кюхельбекер принимал участие.

3.3. «Земля Безглавцев» как антиутопия

В повести «Земля Безглавцев», по мнению исследователей Федосеевой и Горемыкиной, обнаруживается антиутопическая тенденция, развитая в творчестве русских романтиков. [Федосеева, Горемыкина 2014]

Основатели альманаха «Мнемозина», где в 1824 году опубликовалась повесть «Земля Безглавцев», Кюхельбекер и Одоевский развивают новую русскую прозу романтического периода 1820-1830 годов, которая основана

на западноевропейской и древнерусской литературной традиции. «Жанровое своеобразие русской прозы предромантического и романтического периодов В.Ю. Троицкий выделяет как особо показательную фантастическую повесть, «своеобразный русский роман-утопию», авторы которой «сознательно противопоставляли реальной действительности выдуманные ими картины «счастливой жизни». [Федосеева, Горемыкина 2014]

События в повести «Земля Безглавцев» разворачиваются в Париже весной 1821 года. На Елисейских полях герой знакомится с воздухоплавателем и, поддавшись русскому «авось», отправляется с ним в путешествие. По причине отсутствия кислорода они теряют сознание и, очнувшись, оказываются на Луне. Читатель может заметить, что этому сюжетному действию сопутствуют «странности»:

1. Подушка из пуха, который покрывал поверхность Луны, смягчила героям приземление: «Когда очнулся, я увидѣль страну мнѣ во все неизвѣстную: по горло въ пуху лежалъ я возлѣ Француза...». [Кюхельбекер 1824: 145]

2. Речь жителей Луны понятна обоим героям: «Товарищъ мой клялся, что слышитъ самое чистое Парижское нарѣчїе; мнѣ показалось, что Безглавецъ говорить по Русски» [Кюхельбекер 1824: 146]

Действия «Земли Безглавцев» происходят в неземном пространстве – на Луне, что придает повести фантастический характер. С помощью воздушного шара, технического достижения, главный герой и французский авиатор отправляются на спутник Земли. Стоит упомянуть, что первые записи о Луне и ее жителях начал вести масон-утопист В.А. Левшин, опубликовав в 1784 году повесть «Новейшее путешествие». Луна на страницах повести Кюхельбекера обладала привычным для человека воздухом, а большой в размерах слой пуха гарантировал землянам мягкое приземление.

Воздушный шар как вид транспорта реальный для времени Кюхельбекера используется автором в качестве символа: если на Земле

невозможно установить утопические порядки, то можно их реализовать на Луне.

«Безглавцы – чревовещатели», потому они столь красноречивы и остроумны. [Горемыкина 2015: 142] Они «приобрѣтають...необыкновенную быстроту и легкость въ разговорахъ», и «Каламбуры, Епиграммы, нѣжности...подобно шумному, неизсякному водопаду извергаются и потрясають воздухъ». [Кюхельбекер 1824: 149]

Однако какими бы внешне изобильными не были фразы акефалийцев, они не наполнены смыслом. Развитая словесность помогает печатать политические и научные труды, массовые издания. Слог поэтов в Акефалии похож друг на друга: «элегии одинаково печальны, пронизаны грустью и тоской». [Горемыкина 2015: 142] Вот как пишет об этом Кюхельбекер: «Елегии одного нѣсколько трудно отличить отъ Елегий другаго: они всѣ твердятъ одно и то же и тоскуютъ о том, что дважды два – пять». [Кюхельбекер 1824: 149]

Негативное отношение Кюхельбекера к элегиям связано с биографией писателя, когда в статье «Он направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие» (1824 г.) он, освободившись от влияния элегизма и определив себя в «высокой поэзии», выступил с его критикой.[Горемыкина 2105: 142]

Акцентируя внимание на акефалийских пороках, Кюхельбекер демонстрирует, к чему может привести отсутствие в человеческой жизни добродетели: любви, искренности, стремления к «высокому». Писатель иллюстрирует идеальное положение общества, но не признает его истинным, обличая пороки такого устройства. По мнению Горемыкиной, «романтическая ирония становится способом выражения трагедии бытия». [Горемыкина 2015: 144]

Особое место в повести «Земля Безглавцев» занимает традиционная утопическая ситуация, которая образует сюжетный ряд, а именно демонстрация героем-путешественником жизненного устройства

неизвестного ему мира. В большинстве случаев, писатели-утописты ведут повествование от первого лица, потому читатель наблюдает события и анализирует их через призму лирического героя, который является обособленной личностью и обладает сформировавшимся мировоззрением. «Земля Безглавцев» не стала исключением.

Пространство Луны – изолировано и бесконтактно по отношению к иным мирам. Однако подушка из «пуха», которая не позволила путешественникам с Земли разбиться, может характеризовать утопический лунный мир гостеприимным и не тотально закрытым.

Совместно с пространственно-временной традицией утопии автор использует следующие антиутопические приемы:

1. Сатира

Этот литературный прием характерен для многих художественных деталей Кюхельбекера. Так, название страны Акефалия в переводе с греческого означает «безголовие», а Акардион, ее столица, переводится как «бессердечная». Первое, что должно смутить читателя так же, как путешественников с Земли, это цена за обед, которая в Акефалии измеряется физическим насилием: «пятьдесят палочнихъ ударовъ и четыре пощечины». [Кюхельбекер 1824: 147]

2. Парадоксальность

Парадоксальность сюжетных линий заметна и в упоминании расплаты для гостей, так как ударами должны наградить не последних, а хозяина: «Надѣюсь, что и меня, сударь, вы потрудитесь надѣлить пинкомъ или оплеухою». [Кюхельбекер 1824: 147] Мнение Егорова, который считает, что данный феномен не стоит буквально трактовать как бесправное положение крестьян и палочная дисциплина в армии, является небезосновательным, поскольку «крестьяне и солдаты не содержат гостиниц и не получают удовольствия от телесных наказаний». [Егоров 2007:129].

3. Иронические восхваления, прямое разоблачение с иронической сатирой.

Кюхельбекер заводит речь о «зажиточных родителях», приставляющих к детям воспитателей, «наемниковъ, которые до двадцатилѣтняго ихъ возраста подпиливаютъ имъ шею и стараются вытравить сердце». [Кюхельбекер 1824: 147] Автор прибегает к сравнению лунного образования с российским посредством слов главного героя, который рассуждает о преимуществе отечественного образования над акефалийским: «мы ввѣряемъ своихъ дѣтей благочестивымъ, умнымъ иностранцамъ, которые, хотя ни малѣйшаго не имѣютъ понятія ни объ нашемъ языкѣ, ни объ нашей Святой вѣре, ни о прародительскихъ обыкновеніяхъ земли нашей, но всячески сисяшя вселить въ нашихъ юношей привязанность ко всему Русскому». [Кюхельбекер 1824: 148]

Устами героя Кюхельбекер противопоставляет литературе акефалийцев отечественную поэзию: «...съ семнадцати лѣтъ у насъ начинаютъ рассказывать про свою отцвѣтшую молодость...Стихотворенія не обременены ни мыслями, ни чувствами, ни картинами; между тѣмъ заключаютъ въ себѣ...неизъяснимую прелесть, не понятную ни для читателей, ни для сочинителей...но всякій человѣкъ со вкусомъ восхищается ими». [Кюхельбекер 1824: 150]

4. Гротеск

Катастрофа, в свете которой выступают человекоподобные монстры, жители Акефалии. Мотив «обезглавливания человека», как справедливо отметила Горемыкина, занимает главное место в формировании «совершенного» жизненного уклада Акефалии. [Горемыкина 2015: 146] Исследователь также делает замечание, согласно которому данная аллюзия отсылает читателя к событиям Великой французской революции, участников которой приговаривали к гильотине. Голова как символ разума и мысли человека отсутствует у лунных жителей, что провоцирует «возможность субъективного восприятия мира». [Горемыкина 2015: 145] Так, Кюхельбекер показывает, что становится с людьми в отсутствие их личностного начала и руководства только теми принципами, которые диктует общество.

Подобное происходит и с сердцем человека, которое в повести Кюхельбекера является символом души, давно утраченной акефалийцами. Лирический герой Кюхельбекера не признает такой жизни и стремится как можно скорее покинуть Акефалию, в которой француз, его спутнику, довольно комфортно. Это авторское решение также знаменуется отсылкой к революции во Франции, закончившейся жестокостью и кровопролитием. Кюхельбекер противопоставляет русского человека европейскому, когда лирический герой возлагает надежды на граничащее с Акефалией Бумажное царство, которое еще способно прийти к удовлетворяющему писателя идеалу: «...безглавцы омерзѣли мнѣ по своему нелѣпому притворству...Я оставилъ своего товарища въ Акардіонѣ и на другой день рано по утру отправился къ предѣламъ Бумажнаго Царства». [Кюхельбекер 1824: 151]

5. Ритуализация

Жизнь акефалийцев, подобно традициям утопического и антиутопического жанра, регламентирована. Общепринятым ритуалом является подпиливание шеи и вытравливание сердца, которому подвергнуты все население этого лунного царства, даже бедное население, у которого есть мнимый выбор в силу того, что они материально не способны обеспечить своему ребенку воспитателя, прямой обязанностью которого является лишение детей голов и сердец – разума и души.

Кюхельбекер заканчивает повествование на упоминании Бумажного Царства, следующий пункт назначения путешественников. В данном государстве присутствуют области «человѣческихъ познаній, заблужденій, мечтаній, изобрѣтеній», которые отделены от Акефалии «чернильною рѣкою и стѣною картонною», и которые совершенно отличаются от жизнеустройства своих соседей. [Кюхельбекер 1824: 147]

Как писатель-утопист Кюхельбекер заканчивает свою деятельность написанием «Земли Безглавцев» и приступает к «реальной жизненно-биографической судьбе декабриста, к попыткам воплощения утопических

идеалов в современную социально-политическую структуру России». [Егоров 2007: 131]

Читатель может заметить в лирическом герое Кюхельбекера олицетворение авторского сознания, поскольку в повести упоминаются два основных персонажа, чьи взгляды, убеждения и судьбы не пересекаются. Однако Кюхельбекер располагает принципами именно русского человека. На фоне противоречия индивидуальности лирического героя безликой общественной системой возникает конфликт романтического типа героя. Для утопизма данный феномен не характерен.

Хронотоп в повести «Земля Безглавцев» соответствует традиции утопизма: герои-путешественники попадают в оторванное от цивилизации неизвестное место посредством природной стихии (бури, шторма); на Новой Земле их встречают ее жители и демонстрируют свой жизненный уклад. Общественное же устройство, по мнению Горемыкиной, «отвечает задачам антиутопии», поскольку автор подвергает высмеиванию «бесчеловечность рационального устройства, по которому живут люди в этом...обществе». [Горемыкина 2015: 148]

В «Земле безглавцев» Кюхельбекер зеркально отражает в устройстве Акефалии российскую действительность с помощью «отстранения заставить читателя искать способы исправления ее недостатков...или посмеяться над ними». [Геллер 2003: 240]

Открытая сатира Кюхельбекера демонстрировала в утопической стране «можно увидеть не только то, что хочешь, но и то, чего не хочешь». [Ревич 1979: 51] Так, уже на сюжетном уровне недописанная повесть Кюхельбекера стала родоначальницей жанра антиутопии XX века.

Заключение

В ходе нашего исследования мы обнаружили, что антиутопические тенденции в русской литературе начинают зарождаться в конце XVIII – первой трети XIX веков благодаря политическим, социологическим и идеологическим факторам. Неоднозначность антиутопии вызывало не только ее происхождение, ее место среди литературных жанров, но и временные рамки исследования данного литературного жанра. Небезрезультатно нам удалось выяснить, что антиутопия как самостоятельный жанр окончательно сформировалась в XX веке, но начало ее формирования положено на конец XVIII столетия.

Благодаря масонской идеологии эпохи Просвещения, утопия комфортно встраивается в литературную культуру России. Вслед за Западом российские императоры Петр I, Екатерина II и Александр I устанавливают прочный фундамент для просветительских идей в русле философии деизма, вольтерьянства, руссоизма и «естественного права». Однако в рамках российской действительности, которая приходится на конец XVIII – начало XIX века, тотально проникнуться европейской философией не удалось ни одному государственному деятелю в силу православной религии, сохранившейся самобытной культуре, крестьянского вопроса и самодержавия в ключе деспотизма.

Распространение первых масонских лож в России в начале их формирования как структуры приходилось на время правления Петра Великого (1689-1725), который сделал безрезультатные попытки европеизации русского народа. Однако Екатерина II (1762-1796) недоверчиво относилась к вольным каменщикам, полагая, что они могут захватить власть в России, в следствие чего эти общества вынуждены были вести закрытую деятельность. Опасения императрицы были небезосновательны, поскольку взгляды масонов расходились с монархическими убеждениями государей. Масонская идеология основана на принципах равноправия, свободы воли, а в

отношении политики выступает против самодержавия, в котором видела проявление несправедливости и тирании.

Однако это не значило, что масонские ложи XVIII века революционно настроены по отношению к российской политике. Члены данной организации занимались лишь просветительской и благотворительной деятельностью: издавали книги (Н.И. Новиков) с целью пропаганды идей эпохи Просвещения, взывали аристократическое сословие к вступлению в ряды масонов ради финансирования, которое спасло немалое количество крестьян от голода 1787 года. Стоит отметить, что несмотря на внешние и внутренние потрясения (Крымская война, восстание Емельяна Пугачева) в масонском кругу сохранялась консервативная и либеральная тенденция.

В условиях правления Александра I (1801-1825), который сделал попытку реализации своей утопической идеи, появился проект военных поселений, руководимый его верноподданным – генералом А.А. Аракчеевым. Именно в этот временной промежуток в свете масонского учения формируется радикально настроенная группа лиц, в последствии организовавшая в 1825 году декабристское восстание.

Масонство, в силу тайной деятельности, прибегало к пропаганде просветительских идей через художественную литературу, в которой были надежно скрыты взгляды вольных каменщиков, видимые только в контексте сюжетных коллизий. Неравнодушное отношение к государственному строю России находило выражение в утопизме, целью которого было изображение идеального мира и совершенного общества. Цензура пропускала подобную литературу, сформированную в жанр повести, романа, поскольку не находила в ней угрозы для царской репутации.

Первоначальным поприщем, на которое вступила утопия в рамках литературного направления, был сентиментализм, одним из представителей которого являлся писатель и масон по совместительству М.М. Херасков. Рассматриваемая в нашем исследовании «восточная повесть» «Золотой прут» демонстрирует доминанту «естественного права» человека с помощью

идеализации «диких» людей, живущих обособленного от цивилизации. Главный герой Хераскова Албекир тяготеет к такому обществу, в котором нет верховного правителя, где все между собой равны, и которое поклоняется силам природы, живя в Гармонии с ней. Однако на типичных для утопии литературных приемах (мотив путешествия и поиска счастья, демонстрация идеального социума) писатель не останавливается.

В повести изображаются также общественные и государственные пороки, которые Херасков мастерски преподнес благодаря антиутопическим приемам: сатиры, абсурда, псевдокарнавала. Завуалированность под «восточную повесть», якобы переведенную с арабского языка, помогала пройти цензуру, поскольку в XVIII веке активно развивалась переводная деятельность. Потому в случае негативной реакции правительства Херасков мог остаться безнаказанным, сославшись на посредничество. «Золотой прут» изобличает царскую несостоятельность, которую видел в правлении российских монархов, в частности, Екатерины II.

Деятельность следующего рассматриваемого нами лица доказывает, что ненавистники монархической системы находятся и в окружении императрицы. М.М. Щербатов, будучи дворянином и занимая государственную должность, вел просветительскую деятельность, на которую также оказала влияние масонское учение и философия эпохи Просвещения, в целом. Однако в силу своего социального положения он не мог открыто демонстрировать недовольство самодержавием и написанные им статьи с критикой власти и современного общества не распространялись. То же случилось с романом «Путешествие в землю Офирскую г-на С...шведского дворянина», опубликованным уже после смерти Щербатова.

Идеальной политической системой автор признавал конституционную монархию, согласно которой власть верховного правителя государства будет контролировать группа лиц (аристократов) на предмет подчинения законам, которому будут подчинены народ и государь без исключений.

Государство Щербатова Офир представляется именно таким политическим образованием. Населению комфортно жить в условиях тотальной опеки государства: свободе и индивидуальности они предпочли общественный порядок. Мы не можем сказать, что офирское общество является равноправным, поскольку в нем существует классовая разрозненность. В этом отношении сказывается аристократическое начало Щербатова, не готового представить Россию без крепостных. Тем не менее, каждое сословие Офира наделено правами, как и обязанностями, только в системе иерархии.

Безусловно, Офир являлся зеркальным отображением России, только той, какой Щербатов себе ее представлял в рамках утопизма. Вместе с этим, в романе проявляются явные антиутопические тенденции, которые характеризуются ироническими приемами, квазиноминацией, мотивом абсурда и внушения, регламентированностью быта. Вскоре проект военных поселений, который автор изображает в «Путешествии...» будет применен при Александре I введением на обособленной территории России режима военного коммунизма, названного «аракчеевщиной». Именно тогда стало понятно, что утопизм Щербатова в рамках российской действительности является воплощением антиутопии.

Не стоит забывать, что начало XIX века характеризуется поднятием гражданского сознания россиян и развитием в литературе нового направления – романтизма, в свете которого утопический жанр все больше перерастал в антиутопический благодаря внутреннему конфликту личности и общества.

Ярким представителем гражданского романтизма является литератор и декабрист по совместительству В.К. Кюхельбекер. Нас заинтересовало его раннее творчество в преддверии декабристского восстания, в котором писатель принимал непосредственное участие. Его незаконченная повесть «Земля Безглавцев» спровоцирована общественными настроениями первой

трети XIX века, философскими и гражданскими взглядами автора, которые непосредственно повлияли на формирование жанра антиутопии.

Написанная в духе утопии повесть использует типичные принципы ее сюжетной основы: путешествие (теперь уже фантастическое, на Луну), природный катаклизм (бурю), «экскурсию» по Новой Земле. Благодаря плодородной основе утопизма Кюхельбекер реализует антиутопию с помощью излюбленного приема – сатиры, парадоксальности, благодаря минус-приемам в изображении внешности жителей лунного царства Акефалии, чем характеризуется мотив катастрофы. Двоемирие, которое представляется лирическим героем Кюхельбекера и «безобразным» обществом акефалийцев, способствует развитию антиутопического конфликта – противопоставлению личности государству. Герой, представляющий взгляды Кюхельбекера, возлагает надежды на соседствующее с Акефалией Бумажное Царство, в котором он видит воплощение добродетели и своих идей. Однако на расставании героя с Акефалией автор прерывает повествование. Это может объясняться тем, что Кюхельбекер пишет «Землю Безглавцевъ» накануне декабристского восстания и активно ведет именно общественную деятельность, а не писательскую. Также незавершенность повести можно трактовать как авторский прием умолчания и открытого финала, который выражает позицию Кюхельбекера в отношении России как страны, в которой царит безнравственность, выход из-под влияния которой возможен, но требует выхода из «зоны комфорта» (Акефалия отделена от Бумажного Царства Чернильной рекой и Бумажными стенами).

Для утопий характерно слияние утопических и антиутопических тенденций, сопровождающихся установлением такого социального идеала, который противоречил традициям гуманизма и демократизма. Антиутопия, так же как утопия, изображает совершенный общественный строй на примере существующий или когда-то существовавшей страны или в виде преобразовательного социального проекта. Однако основное отличие

антиутопии в том, что она доказывает мнимость провозглашенного совершенства и его губительное влияние на социум и личность. Антиутопия пересматривает утопизм и дает критическую оценку его воззрениям.

Писатели	Название произведения	Антиутопические черты	Мотивное воплощение
М.М. Херасков 1733-1807	«Золотой прут»	1. Антропоцентричность 2. Пространство 3. Непринятие правды 4. Безнравственность, безрассудность 5. Неудовлетворительный финал	1. Мотив поиска главного героя Албекира, противопоставленный стагнации жизни в Калифате. 2. Мотив замкнутости пространства: государство Шах Багема ограждено от внешнего мира высокими стенами. 3. Мотив смеха, сопутствующий бездеятельности Шах Багема и его новоиспеченной спутницы, как ответная реакция на жестокую действительность. 4. Мотив абсурда и каждодневного карнавала в Калифате, вызванный бездеятельностью Шах Багема, (умеет лишь стучать ложками) и дворцовой элитой (не отличалась от государя умственными способностями и добродетелью). 5. Мотив безысходности государственного и общественного положения в Калифате, где просвещенный Албекир не в праве что-то изменить.
М.М. Щербатов 1733-1790	«Путешествие в Землю Офирскую г-на С...шведского дворянина»	1. Строгая регламентированность 2. Контроль со стороны государства	1. Мотив ритуализации жизнедеятельности офицеров: определенные молитвы в храме в определенное время и день недели; упорядоченность учебного процесса, бракосочетаний; жизнь по принципу предписания. 2. Мотив отсутствия свободы как цена за порядок, который гарантирован государством и

		<p>3. Методика прямого внушения</p> <p>4. Ирония</p> <p>5. Поэтика абсурда</p>	<p>полицейскими, следящими за здоровьем офицеров, безопасностью, освещением улиц.</p> <p>3. Мотив влияния на «несозревшее» сознание офицеров через учебные заведения, где они воспитываются с малых лет.</p> <p>4. Мотив высмеивания с «зеркальным эффектом»: колкое высказывание в сторону Швеции с ее прогрессивной формой правления как насмешка над самодержавной Россией.</p> <p>5. Мотив квазиномации: игра букв и «говорящие названия» офицеров городов Квамо – Москва, Перегаб – Петербург, фрегат «Надежда», на котором прибыл в Офир г-н С...шведский дворянин</p>
<p>В.К. Кюхельбекер 1797-1846</p>	<p>«Земля Безглавцев»</p>	<p>1. Антропоцентричность</p> <p>2. Трасгуманизм</p> <p>3. Генетическая селекция</p> <p>4. Поэтика абсурда</p> <p>5. Сатира</p>	<p>1. Мотив неприятия жизненного уклада Акефалии русским героем.</p> <p>2. Мотив программирования сознания акефалийцев посредством лишения их голов и сердец.</p> <p>3. Мотив классового деления на «высших», которым суждено быть безголовыми и бессердечными, и «низших», у которых есть право выбора – подпиливать голову и вырывать сердце или нет.</p> <p>4. Мотив парадокса: получение удовольствия от насилия (сализм и мазохизм).</p> <p>5. Мотив «говорящих» наименований: Акефалия (в пер. с греч.) – «безголовый», Акандеон, ее столица, - как «бессердечный»; мотив зеркальности России и Акефалии</p>

			в отношении эстетического восприятия (признание акефалийцами прелестной поэзию, не наделенную красотой и смыслом)
--	--	--	---

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1. Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни имп. Екатерины Вторыя. Учреждения для управления губерний Всероссийския империи. – М.: Сенат. Тип., 1775. – 215 с.
2. Кюхельбекер В.К. Мнемозина, Собрание сочинений в стихах и прозе. Часть II / изд. Кн. В. Одоевский и В. Кюхельбекер. – М.: Тип. Импер. Моск. Театра, 1824. – С. 143-151
3. Херасков М. М. Золотой прут: Восточная повесть. Переведена с арабскаго языка / М.М. Херасков. – М.: Унив. тип., у Н.Новикова, 1782. – 260 с.
4. Щербатов, М.М. О повреждении нравов в России / М.М. Щербатов. – Москва – Augsburg, 2001. – 42 с
5. Щербатов М. М. Сочинения князя М.М. Щербатова. Т. 1: Политические сочинения: С портр. / Под ред. И.П. Хрущова. – СПб.: Изд. кн. Б.С. Щербатова, 1896. – 1060 с.

II. Научно-теоретическая литература

6. Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения / Т.В. Артемьева. – СПб.: Алетейя, 2005. – 496 с.
7. Афанасьев Э.Л. Памфлет / Э.Л. Афанасьев // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М., Наука, 1982. – С. 263–298
8. Базанов В. Г. Поэты-декабристы К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский / В.Г. Базанов. – М.; Л., АН СССР, 1950.- С. 93-169

9. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
10. Геллер Л., Нике М. Утопия в России / Л. Геллер, М. Нике. – СПб.: Гиперион, 2003. – 312 с.
11. Гуминский В.М. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв. / В.М. Гуминский. – М., Мол. Гвардия, 1977. – С. 356.
12. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века / Г.А. Гуковский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 453 с.
13. Егоров Б.Ф. Российские утопии: исторический путеводитель / Б.Ф. Егоров. – СПб, Искусство, 2007. – 416 с.
14. Западов А.В. Поэты XVIII века (А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков) / А.В. Западов. – М.: Изд-во Моск, ун-та, 1984. – 240 с.
15. Западов А.В. Творчество Хераскова / А.В. Западов // Херасков М.М. Избранные произведения. – Л., 1961. – С. 5-56.
16. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней / В.Ф. Иванов. – М., ФонДИВ, 2008. 536 с.
17. Калинина С.Г. М.М. Щербатов / С.Г. Калинина // М.М. Щербатов. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5-26.
18. Королева Н.В., Рак В.Д. Личность и литературная позиция Кюхельбекера / Н.В. Королева, В.Д. Рак // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л.: Наука, 1979. – С. 571–645.
19. Манн Ю.В. Особенности русского романтизма. Декабристская литература / Ю.В. Манн // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1989. Т. 6.– С. 306–315.

20. Мильдон В.И. Санскрит во льдах, или возвращение из Офира: очерк русской литературной утопии и утопического сознания / В.И. Мильдон. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с
21. Морсон Г. Границы жанра / Г. Морсон // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. – М.: Прогресс, 1991 – С. 233–276.
22. Мортон А.Л. Английская утопия / А.Л. Мортон. – М.: Иностранная литература, 1956. – 276 с.
23. Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки / В.М. Острецов. – М.: Штрихтон, 1998. – 696 с.
24. Пиксанов Н. К. Масонская литература второй половины XVIII века // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 – 1956. Т. 4: ч. 2. С. 51 – 84.
25. Ревич В.А. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны / В. Ревич. – М.: ИВ РАН, 1998. – 354 с.
26. Сахаров В.И. Русская проза XVIII – XIX веков. Проблемы истории и поэтики. / В.И. Сахаров. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 215 с.
27. Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20–30-х годов XIX века / В.Ю. Троицкий. – М.: Наука, 1985. – 278 с.
28. Чаликова В.А. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / В.А. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991. – 409 с.
29. Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова / М.И. Шадурский. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 165 с
30. Шацкий Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.

31. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры / В.П. Шестаков. – М.: ВЛАДОС, 1995. – 207 с.

32. Шишкина С.Г. Истоки и трансформация жанра литературной антиутопии в XX веке / С.Г. Шишкина. – Иваново, 2009. – 230 с.

33. Юрьева. Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы / Л.М. Юрьева. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 267 с.

III. Научно-критическая литература

34. Бугров Д.В. «Надежда» в Антарктиде: загадки офирской утопии князя М.М. Щербатова / Д.В. Бугров // Гуманитарные науки. – 2006. — № 47. – С. 275–291.

35. Вагеманс Э.К. К истории русской политической мысли. М.М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» / Э.К. Вагеманс // Русская литература. – 1989. – №4. – С. 107–123.

36. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Н. Воробьева. – Саратов, 2009. – 48 с.

37. Горемыкина М.В. Утопия и антиутопия в художественной прозе В.К. Кюхельбекера раннего периода творчества: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Горемыкина. – Рязань, 2015. – 226 с.

38. Давыдов Г.А. Религиозно-философские поэмы М.М. Хераскова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Давыдов – М., 1999. – 26 с.

39. Кубачева В.Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век. – Сб. 5. – М.; Л., 1962. – С. 295–315.

40. Кукушкина Е.Д. Поэзия М.М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. – Сб.22. – СПб., 2002. – С. 106-113.

41. Лазаренко О.В. Русская литературная антиутопия 1900-х – первой половины 1930-х годов: проблемы жанра: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Лазаренко. – Воронеж, 1997. – 249 с.
42. Ланин Б.А. Анатомия литературной утопии / Б.А. Ланин // Общественные науки и современность. – М.: Педагогика-Пресс, 1993 – №5 – С.154–163.
43. Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия XX века: дисс. ... д-ра филол. наук / Б.А. Ланин. – М., 1993. – 350 с.
44. Лиманская Ю.С. Произведения М.М. Хераскова "Золотой прут" и "Кадм и Гармония" в контексте масонской прозы последней четверти XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.С. Лиманская. – Сургут, 2007. – 18 с.
45. Назаретская К.А. Сентиментальные и предромантические мотивы в творчестве Хераскова и поэтов его школы 60– 70-х годов // Вопросы романтизма. – Казань, 1967. – Вып. 3. – С. 3– 37.
46. Нарышкина Л.Н. Романы М.М. Хераскова: дисс. ... канд. филол. наук / Л.Н. Нарышкина – Ленинград, 1978. – 202 с.
47. Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.А. Павлова. – Волгоград, 2006. – 42 с.
48. Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Е. Приказчикова. – Екатеринбург, 2010. – 50 с.
49. Сахаров В.И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) / В.И. Сахаров // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. – М., 2000. – С. 66–118.

50. Файзрахманова А.А. Поэтика русской литературной утопии 1900–1910-х годов: проблемы жанровой трансформации в контексте традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Файзрахманова. – Бирск, 2011. – 22 с.

51. Фаэзех К. Восточные мотивы и образы в русской прозе и драматургии II-й половины XVIII века: автореф. дис. ... кандидат. филол. Наук / К. Фаэзех; – М., 2015. – 16 с.

52. Якушева Н.Б. Трансформация утопии в антиутопию в культуре XX века: дис. ... канд. философ. наук / Н.Б. Якушева. – СПб., 2001. – 199 с.

IV. Интернет-источники

53. Брачев В.С. Масоны в России - от Петра I до наших дней. – URL: http://tsibanoff.narod.ru/brachev_masonry.pdf (дата обращения: 28.04.2020).

54. Кизеветтер А.А. Русская утопия XVIII столетия / А.А. Кизеветтер. – URL: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_russkaya_utopiya_xviii.html (дата обращения: 14.05.2020).

55. Котляревский, Н.А. Литературная деятельность декабристов. I. Вильгельм Карлович Кюхельбекер // Рус. богатство. - 1901. - № 3. - С. 110-137. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10085914> (дата обращения: 14.05.2020).

56. Ростовцева Ю.А. Об источниках офирских «катехизмов» князя Щербатова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istochnikah-ofirskih-katehizmov-knyazya-m-m-scherbatova> (дата обращения: 03.05.2020).

57. Федосеева Т.В., Горемыкина М.В. Утопия и антиутопия в прозе В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utopiya-i-antiutopiya-v-proze-v-k-kyuhelbekera-i-v-f-odoevskogo> (дата обращения: 15.05.2020).

V. Учебная и справочная литература

58. История русской литературы XVIII века: учебник: в 2 ч. Ч. 2 / А.Н. Пашкуров, А.И. Разживин. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 520 с.

59. Русская проза конца XX века: учеб. пособие / Г. Л. Нефагина. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2005 (Великолук. гор. тип.). – 320 с.